

Б И Б Л И О Т Е К А

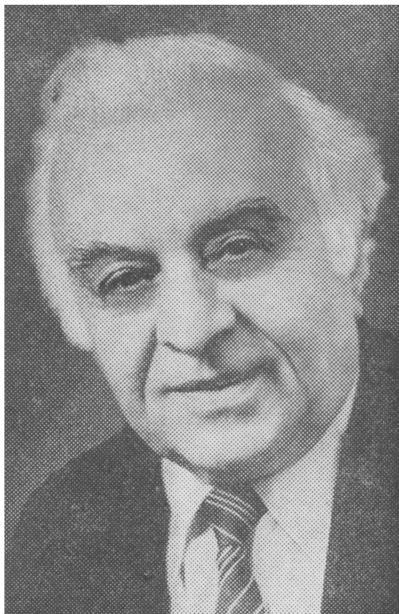
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 4

1983

Ашот АРЗУМАНЯН

**О Т А Р А Р А Т А
Д О М О Н Б Л А Н А**

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 4

АШОТ АРЗУМАНЯН

ОТ АРАРАТА ДО МОНБЛАНА

ОЧЕРК

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1983

Ашот АРЗУМАНЯН

Героями произведений писателя Ашота Мартиросовича Арзуманяна являются наши современники со своими судьбами, люди разных профессий и поколений, для которых высшей нравственной моралью является служение Родине.

Более полувека на страницах газет и журналов публикуются очерки и статьи писателя, в которых красной нитью проходит дружба и братство советских народов. Составленный и прокомментированный писателем сборник «Дружба» об историко-культурных связях армянского и русского народов выдержал шесть изданий на армянском и русском языках.

Значительными вехами в творчестве Ашота Арзуманяна явилось создание романов и повестей «Чудесная эстафета», «Мальчик из Санаина», «Око Бюракана», «Здравствуй, Россия», «Тайна булата», «Адмирал», «Братья Орбели» и другие. Это волнующие рассказы о жизни и деятельности людей, которых полюбил советский читатель.

Ашот Арзуманян член КПСС, член Союза писателей СССР и Союза журналистов СССР, кандидат филологических наук, заслуженный деятель культуры Армянской ССР.

Вновь я вернулся в Париж в середине мая 1982 года. Мало-литражка молодого энергичного дипломата советского посольства Ашота Манукяна, с которым я был знаком по Еревану, то мчит нас по окружной дороге, то застывает в веренице тысяч машин. Вдали мелькают силуэты Эйфелевой башни, Нотр-Дама, Консьержери и других незабываемых памятников древнего города. Предстояло вновь встретиться с земляками людьми тяжелой судьбы скитальцев. Во время предыдущей поездки у меня завязались интересные знакомства.

...Через несколько дней меня принял Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР во Франции Степан Васильевич Червоненко.

Во время беседы с товарищем Червоненко я особенно интересовался научными связями так как мне представляется что сотрудничество ученых Бюраканской астрофизической обсерватории, возглавляемой академиком Виктором Амбарцумяном, со своими французскими коллегами из астрономической обсерватории Ницци может служить весьма убедительной иллюстрацией полезности объединения усилий ученых двух стран.

— Ученых и специалистов нашей страны,— сказал Степан Васильевич,— издавна объединяют с французскими коллегами узы взаимной симпатии, дружбы и сотрудничества. Ныне, в эпоху стремительно разворачивающейся научно-технической революции, которая охватывает все сферы и области человеческой деятельности, международное сотрудничество в области науки и техники становится объективным и настоятельным императивом, необходимым условием развития научных исследований. Однако для налаживания и успешного осуществления такого сотрудничества требуется еще целый ряд факторов и условий как объективного, так и субъективного характера, и прежде всего четко выраженное стремление, политическая воля обеих сторон к развитию подобного сотрудничества на стабильных и взаимовыгодных условиях. А что касается СССР и Франции, подобные условия были созданы в 1966 году, во время визита в Советский Союз президента Франции генерала де Голля, когда на межправительственном уровне был подписан целый ряд соглашений и документов, определяющих правовую базу, направления, формы и методы сотрудничества, а также создан специальный смешанный организационный механизм.

Начиная с этого времени советско-французское научно-техническое сотрудничество неуклонно и стабильно развивается по восходящей линии.

Известные французские ученые, такие, как член Французской академии наук директор Национальной обсерватории Верхнего Прованса Шарль Ференбак и директор Института астрофизики в Париже, профессор Колледж де Франс Жан Клод Пекер всегда доброжелательно относились к проведению совместных научных исследований во Франции и Армении.

Ференбак во время своего пребывания в Бюракане прочел два доклада на научном семинаре о современных тенденциях в астроприборостроении, в частности о принципах постройки астрономических спектрографов.

Французский ученый проявлял большой интерес к Армении, к ее культуре и науке. Большое впечатление на Ференбака произвело знакомство с простыми людьми. Запомнилась ему встреча с крестьянами-кочевниками на Арагаце, во время поездки к высокогорному озеру.

— Увидев нашу автомашину, — вспоминает доктор физико-математических наук Людвиг Мирзоян, — кочевники загородили дорогу и пригласили нас к себе. Так как мы спешили, то заглянули на кочевку только на обратном пути. Нас повели в шатер. Хозяева охотно разговаривали, рассказывали Ференбаку о своей жизни. А французский ученый с готовностью отвечал на интересующие их вопросы. Ему очень понравилось доброе отношение кочевников. Обстановка в шатре была простой. На столе — армянский лаваш, сыр, зелень, водка и мацони. Ференбак чувствовал себя свободно и шутил вместе со всеми.

— Людвиг, — спросил Ференбак, — действительно ли вы раньше не встречались с этими людьми?

— Представьте себе, познакомился впервые вместе с вами, — ответил Мирзоян.

За последние два десятилетия научные и дружеские контакты между армянскими и французскими астрономами значительно расширились. И это очень ценно.

В 1962 году в связи с заседанием Исполкома Международного астрономического союза (МАС) в Ереван прибыл французский астроном Пекер, бывший в то время генеральным секретарем МАС. Заседание вел президент Международного астрономического союза академик Виктор Амбарцумян. Это был первый приезд Пекера в наши края. Тогда он очень тепло отзывался о работах армянских астрономов. Через четыре года на очередное заседание МАС в Ниццу должен был прилететь Амбарцумян. Приближался день заседания, а от него не было вестей. Узнав, что Амбарцумян тяжело болен, Пекер немедленно связался по телефону с Бюраканом и успокоился лишь тогда, когда выяснил, что состояние здоровья коллеги улучшается и ему не грозит опасность.

Пекер вновь приехал в Бюракан в 1973 году, будучи уже директором Института астрофизики в Париже и президентом Французского астрономического общества. Он пробыл в Бюракане целый месяц. Очень интересовался проблемой изучения галактик, участвовал в научных семинарах и часто беседовал с академиком Виктором Амбарцумяном.

Пекер все время стремился расширить совместные исследования бюраканских и французских ученых. Вслед за ним в Бюракан приезжали французские астрономы Ж. Эдман, Б. Мил, А. Терзан, С. Каллин-Суфран и Ж. Лельевр. Одновременно во Франции неоднократно работали бюраканские ученые Л. Мирзоян, Г. Матевосян, В. Осканян, А. Никогосян и другие.

Программы и результаты совместных работ с французскими астрономами всегда тщательно обсуждались директором Бюраканской обсерватории академиком Виктором Амбарцумяном, советы которого во многом способствовали их успешному проведению.

Советско-французское сотрудничество в области исследования и освоения космического пространства в мирных целях занимает особое место в научных связях двух стран. Ярким символом этого сотрудничества, наглядно показывающим взаимовыгодный, плодотворный характер научно-технических связей между СССР и Францией, стал совместный полет советских и французского космонавтов на орбитальном космическом комплексе «Союз» — «Салют» — «Союз».

Я поделился с послом своими творческими планами, рассказал о встречах с различными представителями армянской колонии, о том, что намерен написать книгу о нравственном подвиге соотечественников. Многие патриоты, живущие в буржуазной Франции, не без риска, ценою определенных материальных лишений продолжают борьбу за мир и прогресс, активно выражают свою приверженность Советской Армении. Наш посол хорошо, конечно, знал о благородном поступке парижского армянина Абраама Джинджяна, который подарил картинной галерее Еревана ценнейшую коллекцию полотен Айвазовского.

— Инициатива журнала «Огонек» рассказать о проживающих во Франции армянах достойна похвалы. Советские люди должны знать об этих патриотах. Желаю вам успеха, — сказал на прощание товарищ Червоненко.

...Однажды меня пригласили присутствовать на приеме Луи Арагона послом Советского Союза.

С крупнейшим французским писателем, политическим деятелем и старейшим членом ЦК Коммунистической партии Франции Луи Арагоном я познакомился в 1954 году в Москве, в дни Второго съезда Союза писателей СССР. С того памятного времени у меня осталась

фотография, где мы вместе сняты в кулуарах Колонного зала Дома союзов. Встретиться с ним вновь двадцать семь лет спустя, что и говорить, было приятно.

Луи Арагон. Это имя известно всему миру. В годы немецко-фашистской оккупации Франции он стал одним из организаторов и боевых певцов французского движения Сопротивления. Испив горечь поражения, писатель призвал соотечественников к борьбе. В своем сборнике стихов «Снова нож в сердце», вышедшем в 1948 году, он гневно протестует против проникновения империализма США в Европу. Цикл «Реальный мир» Арагон завершает романом «Коммунисты». Это произведение писателя-борца Андре Стиль назвал «значительным и длительным фактом в жизни нашего народа, важнейшим действием нашей партии». Жизнь и борьба французского рабочего класса и всего французского народа за мир, свободу, демократию и независимость нашли в романе Арагона прекрасное художественное воплощение. Это правдивое и вдохновенное произведение дорого французскому народу, борющемуся за свои благородные идеалы. О чем бы ни писал Луи Арагон, в его романах, поэмах, повестях красной нитью проходит тема всевозрастающей силы рабочего класса Франции.

Переведенные на русский язык «Красный фронт», «Коммунисты» и другие сочинения писателя хорошо знакомы советскому читателю и любимы им. Друг Советского Союза Луи Арагон является членом Всемирного Совета Мира, лауреатом международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», почетным доктором наук Московского университета.

Настал день приема. 3 апреля 1981 года в час дня я был в посольстве. В сопровождении советника посольства С. Зотова и первого секретаря Р. Саакяна Луи Арагон вошел в зал приемов, где его тепло приветствовал Степан Васильевич Червоненко. После короткой беседы за аперитивом посол пригласил всех присутствующих в соседний зал, к обеденному столу. Арагон был в приподнятом настроении.

От имени Советского правительства Степан Васильевич передал Арагону приглашение посетить Советский Союз, куда писатель приехал в последний раз три года назад.

— Тронут, весьма тронут вниманием, — отвечал Луи Арагон, — но в ближайшее время я должен поехать лечиться в Италию. Что-то плохо стало со здоровьем.

Предложив тост за французского друга, товарищ Червоненко особо подчеркнул его роль в сближении и взаимопонимании французского и советского народов.

— Я с удовольствием выпью за свое здоровье русской водки, — ответил Арагон. — Как видите, закусываю медленно, но пью быстро и в свои почти восемьдесят пять лет не отказываюсь от напитков.

Посол преподнес Луи Арагону альбом «Космонавтика», изданный к двадцатилетию полета Юрия Гагарина в космос. Извинившись, Арагон внимательно, страницу за страницей, рассматривал оформленный с большим вкусом красочный альбом.

Затем речь зашла о расширении культурного обмена, о взаимном переводе литературы.

— Без лишней скромности могу сказать, что для издания классической и советской современной литературы на французском языке я сделал немало,— заметил Арагон,— и смею считать себя начинателем этого дела во Франции.

Завязалась оживленная беседа. Улучив момент, я обратился к Луи Арагону:

— Вы знакомы с Антологией армянской поэзии, переведенной большой группой поэтов на французский язык?

— Конечно. У меня это издание есть. Книгу подарил мне человек неумеренной энергии, наш поэт и ваш земляк Рубен Мелик. Благодаря его усилиям удалось осуществить это издание и донести до французского читателя мудрую, самобытную армянскую поэзию. Читая Туманяна, Исаакяна, Чаренца, я даже в переводе почувствовал глубину и своеобразие армянских классиков.

Я напомнил Луи Арагону о нашей давней встрече на съезде Союза писателей СССР в 1954 году и протянул фотографию. Он с интересом разглядывал ее, а затем задумчиво сказал:

— Двадцать семь лет... Это много или мало, дорогой Ашот? Иногда это целая жизнь. Рассматривая фотографию, я не заметил у тебя ни одного седого волоса, а сейчас не найдешь черного. А от моей густой шевелюры, как видишь, остались одни воспоминания. Из этого ясно, что нам надо запечатлеть себя еще раз, здесь, в Париже, и сохранить на память фотографии. И если нам доведется встретиться так же нескоро, посмотрим тогда, что от нас останется.— Французский юмор искрился даже в этой невеселой для нас шутке.

Во время продолжавшейся более двух часов встречи были затронуты многие животрепещущие вопросы международной жизни.

Луи Арагон предложил тост за страну, которую очень любит:

— Я провозглашаю тост за страну, которая в 1917 году выстрелами с крейсера «Аврора» оповестила о рождении нового, социалистического общества, осветив сознание людей. Великая общественная сила — сознание действительно тогда, когда перед ним поставлена цель бороться с общественной несправедливостью, когда оно собирает людей в единый монолит, когда моральный критерий вырастает до норм социального идеала. Советская литература всегда развивала эти высокие идеи, идеи братства и дружбы народов. Поэтому, поднимая бокал за Советский Союз, я пью и за моих друзей, советских писателей.

Поблагодарив его, Степан Васильевич добавил:

— Прогрессивные писатели всегда были в авангарде борцов за мир. Жизнь и творчество Горького, Маяковского и ваша патриотическая деятельность являются тому прекрасным примером.

Прием был закончен. Прощаясь с товарищем Червоненко, Луи Арагон по-русски сказал:

— Спасибо за теплую, радужную встречу. — И, повернувшись ко мне, бросил: — На днях мы встретимся у меня дома.

8 апреля мы вышли из машины у дома № 58 по улице Варенн, напротив резиденции премьер-министра Франции. По просьбе Рубена Саакяна Андре, зять Затика Ханзадяна, почетного члена Академии наук Армении, захватил с собой два фотоаппарата. В глубине двора виднелось старинное трехэтажное здание, одетое в строительные леса. Всех жильцов, кроме Арагона, из дома выселили. После ремонта его займет Совет Министров. Мы направились к дому. Оказавшись на втором этаже, заметил, что вдоль более крутой лестницы, ведущей на третий этаж, тянутся ввысь два рельса, на которых удобно приспособлено небольшое кресло. Рубен пояснил, что короткий, но крутой подъем на третий этаж Арагон преодолевает, сидя в кресле, которое приводится в движение нажатием кнопки. Домохозяйка Мария встретила нас радостной улыбкой.

Коридор квартиры писателя во всю длину заставлен книжными шкафами, стеллажами. Свободные пространства заклеены плакатами, рисунками, дружескими шаржами. В разделе русской литературы тома Пушкина, Грина, Маяковского. Тут же плакат «Маяковский во время выступления», красочная афиша «Москва — Олимпиада-80». С суперобложки книги о Качалове смотрит на нас великий русский артист. Рядом на полке — небольшая книжечка «Долгая песня Армении» — обстоятельный очерк Арагона об армянской поэзии. Тут же я заметил его рукопись поэмы «Красные плакаты» о герое французского движения Сопротивления Манушяне. Видя, с каким интересом я разглядываю рукопись, Луи Арагон промолвил:

— Потрясенные страданиями армянского народа, многие интеллигенты Франции пролили немало чернил, чтобы содействовать его освобождению. Армянский же народ вместо чернил пролил свою кровь за свободу Франции. Никогда не забуду, как в годы войны во всех уголках Франции были расклеены на стенах огромные объявления, извещающие о расстреле бойцов «Интернациональной группы». Их командиром был армянин — Манушян... В провинциальной глуши чья-то неизвестная рука на одном из таких объявлений начертала: «Они пали за Францию. Мы не сможем забыть участие вашего народа в освобождении нашей родины».

У одной из дверей Луи Арагон достал из кармана ключ и, открыв комнату, пригласил нас войти.

— С тех пор, как не стало подруги моей жизни Эльзы Триоле, я редко кому открываю эту дверь. Все вещи лежат на своих местах, как было при Эльзе. Изредка я заглядываю сюда, мысленно перелистывая страницы нашей счастливой совместной жизни, и думаю о важности духовного родства между супругами. Когда я остался один, среди моих друзей нашлись чудачки, которые стали меня сватать. В мои-то годы жениться?.. Разве нашлась бы другая Эльза?

Наступило молчание. Арагон погрузился в свои думы.

— И все-таки жизнь хороша,— совсем другим тоном произнес наконец он.— Живые должны заниматься жизнью.

— Не знаю почему, но мне пришли на память ваши слова: «Женщины являются жемчужиной жизни»,— заметил я.

— То, что написал когда-то, я мог бы повторить и сейчас.

Через несколько минут мы вошли в залитый солнцем обширный кабинет писателя. Сбросив грустные воспоминания, он спросил меня:

— Вы помните зал советского посольства, где нас принимал Степан Червоненко?

— Конечно,— ответил я.

— Вы обратили внимание на фигуры женщин, как бы выходящих на стенки зала? Сколько в них красоты и изящества! Они оживляли официальную обстановку этого великолепного зала. Вы там бывали раньше?

— Не часто, но приходилось.

— Ашот, я завидую вам, более того, ревную,— теперь уже улыбаясь, заключил Арагон.

Мы коснулись в разговоре возможной поездки писателя в Советский Союз.

— Если улучшится состояние моего здоровья, обязательно воспользуюсь приглашением.

— Прошу вас в программу своей поездки включить и Армению. Я сам приеду за вами в Москву.

— Спасибо, добрый друг, нисколько не сомневаюсь в искренности ваших слов.

На вопрос, с кем из армянских писателей он был знаком, Луи Арагон ответил:

— С Исаакяном, с прекрасным поэтом и человеком. Он ведь до возвращения на родину, в Советскую Армению, долгие годы жил в Париже.

Задумавшись и как бы перебирая в памяти события давних лет, Арагон молча остановил свой взгляд на фотографии Эльзы Триоле, а потом продолжал:

— В 1936 году Эльза Триоле и я поехали навестить Горького, по его приглашению. Он умирал. И только по дороге к нему мы узнали, что тот, которого мы собирались навестить, уже умер. Годы спустя,

в 1957 году, приехав в Москву, я узнаю о смерти крупнейшего поэта этого столетия Аветика Исаакяна, которому мне хотелось лично передать сердечный привет, а через него — всей проникновенной поэзии Армении.

Чело нашего века носит печать нескольких светлых имен поэтов. В Англии это Киплинг, во Франции — Аполлинер и Элюар, в Германии — Рильке, в Испании — Гарсиа Лорка, в России — Маяковский и Есенин, в Армении — Чаренц и Исаакян. Всякий раз, когда один из этих современников угасал, казалось, что в мире становится темней. Но все то, что оставляли они за собой, не было тенью, а было пламенем. Исаакяна не стало, но остались «Абул Ала Маари» и «Мгер из Сасуна». И так же, как века не смогли стереть образ Мгера, «который любил бедных», так же, как тысячелетия спустя в голосе Исаакяна вновь послышалось дыхание Мгера, так же и смерть Аветика Исаакяна не властна омрачить живой луч света его поэзии, который будет вечно согревать не только сердца армян, но и озарять неугасимым светом лучшие мечты человечества.

Никогда не были так нужны нам его пламенные слова о свободе, которую он воспевал еще полвека тому назад: «Ты — свобода, бессмертный, святой Аль Коран, соловьем что в раю распевают в тиши!»

Теперь нам, оставшимся в живых, предстоит высоко поднять его факел. Пусть через произведения ушедшего от нас Исаакяна везде и всюду веет аромат розового сада многовековой армянской поэзии, пусть все познают страдания, гуманное величие и славу этого народа.

...Показав на каталог выставки Мартироса Сарьяна, которая была тепло принята парижанами, он добавил:

— К сожалению, с этим оригинальным колористом, мастером живописи, я встретился лишь однажды, и то мельком.

— Ваша литература представлена в разных жанрах, — сказал я. — Стихи, проза, критические обзоры и статьи, написанные вами, одинаково волнуют читателя. Но какой жанр больше любим вами?

— Для меня важна и одинаково дорога любая форма литературного творчества, лишь бы она была высокохудожественной и отвечала идеалам свободолюбивого человечества. В моем восприятии литература неотделима от борьбы против врагов трудового человека — создателя всех ценностей на земле. В этой беспощадной борьбе писатель должен быть в авангарде и владеть своим острым пером, как оружием. Вы спрашиваете: работаю ли я в свои восемьдесят пять лет? Помните, Ашот, сказанные когда-то мною слова: «Я живу — значит, работаю. Иначе биологическое существование бессмысленно».

— А как вы расцениваете современную поэзию Франции?

— Французская поэзия наших дней существенно отличается от поэзии столетней давности. Не утихают споры между традиционной, классической и экспериментальной — новаторской — поэзией. Поэ-

зия достигает своей цели, когда проповедует любовь к жизни словами емкими, искрящимися всеми красками радуги. Она должна зажигать души людей, вселять уверенность, надежду. Сегодняшняя поэзия в поисках новых форм находится на распутье и порой не задевает душу читателя. Почему же это происходит? Потому, что некоторые, даже талантливые молодые поэты не усвоили простой истины: любая форма и стиль имеют право на жизнь, если они несут читателю хотя бы крупицу своей неповторимости и оптимизма. Поэзия должна постоянно ощущать реальную жизнь народа, воспевать его идеалы и подогревать патриотические чувства. Тогда любая словесная ткань стиха, любые акценты для меня приемлемы.

В конце сороковых годов я познакомился со вторым сборником стихов тогда еще молодого поэта Рубена Мелика. Стихи его покорили меня свежестью мысли, глубиной философских суждений. Я написал тогда похвальную рецензию. Жизнь показала, что поэтическая лира Рубена Мелика с годами мужала. С тех пор многие его произведения увидели свет. Он стал одним из оригинальных, талантливых поэтов Франции.

После некоторой паузы Луи Арагон продолжал:

— Несколько лет назад Рубен Мелик прочитал мне строки из поэмы Паруйра Севака «Неумолкаемая колокольня» в своем переводе. Я не знаком с творчеством этого армянского поэта. Но и в том, что я услышал, угадывалась беспокойная, клочущая душа яркого дарования.

Говорили о многом. На книге «Коммунисты» Арагон написал мне поэтический экспромт, а я подарил ему свою последнюю книгу очерков «Арагат — бесподобен». Андре без усталы фотографировал нас.

Мог ли и тогда полагать, что это была моя последняя беседа с замечательным французским писателем и гуманистом. 24 декабря 1982 года в Париже перестало биться сердце большого друга нашей страны. Эти добрые встречи с Луи Арагоном навсегда останутся в моей памяти.

Редактор прогрессивной армянской газеты «Ашхар» («Мир») Аветис Аликсанян, услышав по телефону мой голос, воскликнул:

— О, Ашот, ты в Париже! Почему не предупредил? Приезжай в типографию. Я жду тебя.

«Типография» сказано слишком громко. На самом деле это обычный сарай, расположенный в глубине двора на одной из узеньких улочек Парижа, знаменитой тем, что она находится возле популярного среди туристов театра «Фоли Бержер». Так вот в этом сарае помещаются и редакция и типография.

Аветис Аликсанян основал свою еженедельную газету «Ашхар» двадцать лет назад. С тех пор он ее бессменный корректор и стилист,

редактор и наборщик. И хотя с годами ему все труднее и труднее исполнять все обязанности, дружелюбная улыбка не сходит с его лица.

Мы беседовали с Аветисом Аликсаняном за неизменной чашкой кофе в его крохотном кабинете. Вскоре к нам присоединился один из его ближайших друзей по работе, Карапет Унджян. Говоря о цели газеты «Ашхар», Аликсанян подчеркнул:

— На ее страницах мы рассказываем об успехах армянской общины во Франции, пропагандируем наши достижения, успехи Советской Армении. Все это способствует укреплению дружбы и взаимопониманию между французским и советским народами.

В связи с 70-летием со дня рождения активного общественного деятеля, редактора газеты и писателя Аветиса Аликсаняна Советское правительство наградило его орденом Дружбы народов.

Узнав в советском посольстве о награждении Аликсаняна, я тут же позвонил ему домой, извинившись, что беспокою в поздний час.

— Что ты, Ашот, девять для меня час не поздний! День был хлопотливый. Много работал. Хочется проветриться. Только что созвонился с Миграном Мавьяном и Карапетом Унджяном. Они тоже не прочь прогуляться. Может быть, присоединишься к нам...

— Охотно.

— А что, если нам встретиться в кафе возле «Фоли Бержер»?

— Договорились. Встретимся в девять сорок.

Быстро уложив в целлофановый мешочек привезенные из Еревана и Москвы гостицы, я направился к ближайшей станции метро.

Протянул двухфранковую монету и попросил билетик. Кассирша вежливо ответила, что с сегодняшнего дня стоимость билета поднялась на полфранка. И тут же пояснила:

— На бензин тоже поднялись цены...

У входа в кафе меня встретили друзья. Мы заняли столик в углу. Гарсон подал кофе.

— Аветис, говорят, нет правила без исключения. Нельзя ли выложить на стол кое-что наше? — спросил я.

— Отчего же, только попросим разрешения.

Получив добро, я вынул бутылку армянского коньяка, полбуханки ржаного хлеба, маленькую баночку икры, бастурму, суджух и, конечно, лаваш.

— Что все это значит? По какому поводу?

— Повод есть, давайте наполним рюмки. Сегодня день особый. Сегодня Указом Президиума Верховного Совета СССР, подписанным товарищем Брежневым (я сделал маленькую паузу), наш друг Аветис Аликсанян награжден орденом Дружбы народов.

При таком внезапном радостном сообщении у всех усталости как не бывало. Мы сердечно поздравили Аликсаняна. Видя необычное оживление за нашим столиком, к нам подошел знакомый гарсон. Он тоже приветствовал виновника торжества и охотно выпил рюмку

коньяка. Вскоре на нашем столике появилась бутылка французского шампанского.

— Такую радость нельзя отмечать без шампанского, — сказал, улыбаясь, гарсон.

Пошли немногословные тосты за французо-советскую дружбу, за Советский Союз и родину — Советскую Армению, за двадцатилетие газеты «Ашхар». Завязалась беседа. Вспомнили о тяжелых годах борьбы за создание Культурного союза армян Франции в самый разгар «холодной войны» в 1950 году. Основателям союза нелегко было получить разрешение властей. Первым мероприятием союза явилась отправка состоящей из армян туристической группы в СССР. В те годы противники сближения Франции и СССР распространяли о Советском Союзе всякие небылицы. Во время первой же поездки в Советскую Армению произошел случай, о котором со смехом и шутками рассказали мне парижские друзья.

Случилось это летом 1950 года. Туристическая группа армян из Парижа прибыла в Москву поездом и, осмотрев достопримечательности столицы, выехала через два дня в Ереван. В пути туристы во время остановок гуляли по перрону, покупали фрукты. И надо же было, чтобы двое в пижамах задержались у киоска сувениров на Ростовском вокзале и не заметили, как тронулся поезд Москва — Ереван. Это, конечно, привело их в крайнее уныние. По их растерянному и испуганному виду дежурный по вокзалу догадался, что они отстали от поезда. Когда дежурный спросил: «Чем я могу помочь?» — бедняги пожимали плечами. Они не понимали ни слова. Когда же туристы заговорили по-армянски и по-французски, пришла очередь дежурного пожимать плечами. Ситуация сложилась трагикомическая.

Жестикуюлируя и все время повторяя: Париж, Москва, Ереван, туристы пытались, как могли, объяснить дежурному, кто они и куда едут. Наконец дежурный понял, что перед ним иностранные туристы, едущие в Ереван.

Первым же поездом он отправил их дальше на юг. В дороге другие пассажиры не раз разделяли свою трапезу с нашими неудачниками. Так, пользуясь гостеприимством советских людей, туристы из Франции благополучно догнали в Ереване свою группу.

— В Париже нам кое-кто настойчиво твердил, что, мол, в Советском Союзе интуристов преследуют и оскорбляют, что ехать туда небезопасно. Мы вдвоем путешествовали три дня, пока не добрались до Еревана, и ни разу никто даже не спросил у нас документов. Везде нас утешали, сочувствовали нам и помогали...

Теперь благодаря деятельности Культурного союза армян Франции в Советскую Армению ежегодно приезжают тысячи армян.

Мое пребывание в Париже совпало с тридцатилетием Культурного союза, который знакомит французскую общественность с достижения-

ми культуры Советской Армении. В знаменитом парижском зале «Плейель» союз ежегодно проводит торжественные собрания, посвященные годовщине установления в Армении Советской власти.

— Примечательно, — сказал Аветис Аликсаян, — что в оргкомитет по подготовке торжеств входит свыше двадцати различных организаций, а так лет пятнадцать — двадцать назад многие не решились бы даже близко подойти к залу «Плейель». Рассказ о тридцатилетнем пути Культурного союза полон драматических и радостных страниц. Но об этом, дорогой Ашот, в другой раз...

Прощаясь, Аликсаян сказал, что сегодняшний экспромт запомнится надолго. Любопытства ради я спросил:

— Французы тоже отличаются армянским гостеприимством?

— Что ты имеешь в виду?

— Появление шампанского.

Хитро улыбаясь, Аветис ответил:

— Гарсон, как тонкий психолог, точно оценил ситуацию и сделал красивый жест. Но стоимость шампанского он не забыл включить в счет.

Мы оба посмеялись находчивости гарсона.

...Я шел по улицам ночного Парижа и думал об этих замечательных патриотах нашей Родины. Думал и о том, что в наши дни из Франции в Советскую Армению приезжают не только туристы-армяне, но и наши друзья французы. Когда писались эти строки, я не мог не вспомнить о недавнем посещении Армении членом Политбюро Французской коммунистической партии, политическим директором газеты «Юманите» Роланом Леруа и его супругой активисткой ФКП Даниель Оливье. За несколько дней пребывания в республике гости из Франции познакомились с ее достопримечательностями. Побывали на заводах, в институтах, в селах. Осмотрели музеи, картинные галереи.

Перед отъездом из Еревана Ролан Леруа заявил:

— Я уезжаю из Армении полный хороших впечатлений. Я и раньше немало знал об этой республике. Знал из печати, рассказов наших армянских друзей в Париже. Но то, что мы увидели здесь собственными глазами, превзошло все наши ожидания. Современная Армения динамично развивается. В памятной для меня беседе в ЦК КП Армении первый секретарь ЦК товарищ Демирчян нарисовал впечатляющую картину новой социалистической Армении. Опираясь на новую общественную основу и на бескорыстную помощь других народов, используя свои собственные людские ресурсы и природные богатства, трудящиеся Армении достигли экономического и культурного расцвета. В этом убедились мы в дни пребывания в республике.

Немногим менее десяти лет назад я, как один из президентов общества «Франция — СССР», выступал в одном из крупнейших

парижских залов — «Плейель» — на торжественном заседании, посвященном 50-летию Советской Армении. Кстати, эти заседания стали традиционными. Тогда у меня было много материалов о жизни Армении через десять лет; в конце ноября этого года я снова должен выступить с речью в том же зале, но уже по случаю 60-летия Советской Армении. Поэтому, находясь у вас, я испытываю двойное чувство: во-первых, нужно осмыслить все увиденное, и, во-вторых, в предстоящем выступлении в Париже нужно суметь рассказать о сегодняшней Армении. Если мне это удастся, я буду вполне удовлетворен.

История армянского народа нам, французам, хорошо известна. У нас нашли приют тысячи армян, вынужденных покинуть родину из-за чудовищного геноцида, учиненного правителями Османской Турции. Между французами и армянами существует традиционная дружба. Живущие в нашей стране армяне разделяют с нашим народом кров и борются с ним рука об руку. Многие из них сражались в рядах бойцов Сопротивления против гитлеровских оккупантов. Многие пожертвовали своей жизнью. Мы никогда не забудем об участии коммунистов-армян в Сопротивлении. Славные дела героической группы Мисака Манусяна вошли в историю борьбы нашего народа против гитлеровского фашизма.

— Немало армян,— продолжал Ролан Леруа,— живущих во Франции, принимают активное участие в деятельности общества «Франция — СССР», цель которого содействовать сближению и взаимопониманию, укреплению и развитию дружбы между французским и советским народами. В рамках франко-советского сотрудничества происходит и расширение связей Франции с Армянской ССР. В наши дни стал обычным культурный обмен. В прошлом году в Армении успешно прошли Дни Франции, организованные обществом «Франция — СССР». Эти связи мы будем развивать и впредь.

Далее Ролан Леруа подробно рассказал армянским товарищам о деятельности ФКП, об огромных усилиях партии и ее органа газеты «Юманите» по поддержанию мира и безопасности в Европе, говорил о выдающейся роли СССР в борьбе за разрядку международной напряженности.

Вклад людей в борьбу за мир, с которыми в ночном кафе мы отмечали награждение орденом Дружбы народов нашего друга Аветиса Аликсаяна, и тех, о которых еще я не успел рассказать, трудно переоценить.

На следующий день в кафе возле Булонского леса мы встретились и беседовали с Миграном Мавьяном. Кровоточащая память воскрешала ужасы детства и немецких концентрационных лагерей. Мавьян говорил о своих боевых товарищах с такой страстью — да, да, именно

страстью, ибо это определение емко раскрывает накал его душевного состояния, что я всем своим существом ощущал кипение его души...

— Расскажите о себе, — попросил я.

— А разве человек, говоря о других, не виден сам?

Были и другие встречи и беседы с Мавьяном, жизнь которого отражает трагическую участь армян Западной Армении. Он родился в городе Адапазары, основанном в четырнадцатом веке спасенными от нашествия Тамерлана армянами Себастии. Адапазары назывался Тоникашеном в память о предводителе армян ишхане Тонике.

В 1915 году в Адапазары проживали до двадцати пяти тысяч армян, а после резни в живых осталось менее четырех тысяч. Город лежал в руинах. Жертвами стали и родители Мавьяна. Малыши — Мигран с братом и сестрой — остались без крова и куска хлеба. Так, не успев раскрыть глаза на мир, Мигран стал очевидцем кровавой расправы в родном городе. Участь детей была предрешена — беженство. Прощаясь с родными местами, они пустились в путь неведомо куда.

В 1923 году Мигран Мавьян попал в Марсель. Здесь он овладел специальностью рабочего-обувщика. В 1928 году вступил в ряды Коммунистической партии Франции. Испивший горькую чашу насилия, Мигран всю свою жизнь вел непримиримую борьбу против эксплуатации и гнета.

Когда в 1934 году фашистская опасность угрожала Франции, Мавьян находился среди участников уличных боев. Всегда верный партийному долгу, интернационалист Мавьян, как только Гитлер двинул свои орды против Советского Союза, стал одним из организаторов движения Сопротивления Франции.

Я вновь прошу Мавьяна рассказать о себе, а он вспоминает подвиги своих товарищей.

— Надо понять меня, — поясняет он, — я остался чудом жить, а их уже нет. Пусть никогда не померкнет память о моих погибших товарищах, расстрелянных на Мон-Валериане, — Мисаке Манушяне, Арбене Давидяне, о зверски убитом в Эльзас-Лотарингии Айке Дпиряне, о павшем от руки гитлеровских палачей Ншане Тер-Мартirosяне...

Мы должны помнить сожженных в гитлеровских лагерях смерти Луиз Асланян (Лас), ее мужа Арпиара, ереванца Мушега Балаяна, повешенных во Флоссенбургском фашистском лагере. Мы не можем предать забвению память Ивана Карапетова, Хачатура Аманатяна, Аветиса Тулумджяна, Бернара Гужона из Ланжа, рыбака из города Нант — Эдварда, парижанина Бельмена и всех тех, кто своей жизнью приблизил победу над фашизмом. Французы чтят память армян, павших за свободу Франции. Именами героев, ставших легендарными, названы улицы Мисака Манушяна в Париже, Альфорвиле, Арнувиле, Айка Дпиряна в городе Баньо и в других местах.

Попав в когти гестапо, Мавьян остался стойким борцом-интернационалистом. Он прошел через лагерь смерти — Освенцим, Бухенвальд, Флоссенбург, в которых были уничтожены и сожжены сотни тысяч сынов и дочерей народов Европы. Только благодаря победе над фашистской Германией вчерашние смертники чудом остались в живых и стали активными борцами за мир и разоружение.

В Ереване недавно вышла книга Мавьяна об этих событиях «Из преисподни» на армянском и русском языках.

Я распрощался с Мавьяном, сожалея, что больше у меня не будет времени встретиться с ним. Вероятно, такова судьба всех, кто едет за рубеж на короткий срок: всегда не хватает времени.

Мавьян ушел, а я все еще оставался в мире героического прошлого. Я вспомнил рассказ коммуниста Арсена Чахыряна — ныне председателя союза оставшихся в живых партизан группы Манушяна. В этот союз входят не только боевые друзья, но и члены семей расстрелянных гитлеровцами партизан и те, кто остался верен высоким интернациональным идеям Манушяна.

В тот день в тени деревьев своего дома, на окраине Парижа, много интересного рассказал Арсен. О том, как с начала 1942 года тройки из отряда Манушяна по заранее намеченному плану совершали набеги на фашистов, как взрывали мосты, эшелоны, распространяли листовки под носом гитлеровцев, приводя их в бешенство. Обо всем трудно вспомнить. Но операция, которая длилась более четырех месяцев, потребовала от манушяновцев исключительной выдержки и смекалки.

Командант Парижа генерал фон Шанбур в годы оккупации своей жестокостью наводил ужас на жителей.

План убийства генерала был разработан до мелочей. Каждый из участников операции ежедневно докладывал Манушяну о своих наблюдениях. Арсену было поручено изучение всех возможных маршрутов генерала. Ему удалось установить, что фон Шанбур каждое утро в одно и то же время верхом совершал прогулки по Булонскому лесу. Шел апрель 1942 года. Настал день расплаты.

Было безмятежное, ясное утро. Генерал совершал свой обычный утренний моцион. Конь нетерпеливо рвался вперед. Улучив момент, когда Шанбур приблизился на нужное расстояние, Манушян рывком вырвался вперед и бросил бомбу. Пока к месту происшествия подоспела полиция, манушяновцев и след простыл.

В покушении под руководством Манушяна участвовали, кроме Арсена, поляк Райман, испанец Альфонсо и итальянец Фонтану.

По случаю гибели генерала фон Шанбур Гитлер объявил траур в Берлине.

Как же попал в Париж сын эрзерумских крестьян Арсен Чахырян?

В конце прошлого века, во время очередной армянской трагедии, спасаясь от турецкой резни, семья Чахырянов вместе с другими беженцами попала на Ближний Восток, затем в Болгарию, а оттуда во Францию. Арсен родился на трудных дорогах беженства, в 1918 году. С 1930 года семья его обосновалась в Париже. Отец Арсена — парикмахер Овсеп — отдал своего сына в ученики к портному, а другого — Амбарцума — на мебельную фабрику.

Арсен не без гордости спрашивал:

— Вы видели киоски в аэропортах Парижа?

Я ответил утвердительно и добавил, что они выполнены с большим вкусом.

— Рад, что понравились. Это работа рук моего брата Амбарцума.

Подходило время призыва. Арсен ушел в армию артиллеристом. Когда началась вторая мировая война, он попал в боевой отряд партизан Манушяна. Смерть ежедневно ходила следом, к счастью, так и не догнав этого мужественного человека.

После окончания войны обзавелся семьей. Построил с помощью брата небольшой уютный домик, где хозяйничает его милая подруга жизни француженка Жаклин, превратив этот маленький кусочек земли в чудесный садик для отдыха. Здесь все дышало любовью к природе, все говорило о постоянном труде умелых рук, не знающих отдыха.

Пока Арсен рассказывал нам с супругой о пережитых тревожных днях войны, о боевых товарищах, ушедших из жизни, и тех, кто борется сегодня за мир, Жаклин несуетливо, с неизменной приветливой улыбкой на лице накрыла стол прямо под развесистым деревом. Супруги рассказали нам, что недавно вернулись из поездки по Советской Армении, где засняли цветной кинофильм, назвав его «Армения сегодня». Недолго раздумывая, включили передвижной телевизор и показали заснятую ленту. Промелькнули кадры живописных пейзажей нашей страны, культурные и промышленные центры, советские люди, радостно встречающие прибывших из Франции своих земляков: Арсен и Жаклин поочередно комментировали события на экране: Арсен — на армянском, Жаклин — на французском и армянском языках. Они намерены с этим фильмом совершить турне по некоторым армянским очагам Франции, чтобы наглядно рассказать тем, кто еще не был в Армении, об успехах родной страны.

...А вот другой участник движения Сопротивления, не знавший страха в борьбе с врагами. Человек открытой души, прекрасный друг и собеседник Тиран Воскеричян. Его жизнь тоже, как у Мавьяна, полна страниц стойкости и страданий. О второй мировой войне, через призму своих восприятий, он написал книгу, которую трудно читать без волнения. Мне о Тиране рассказывали, что в самые трудные

минуты он не терял самообладания. Люди на фронте нередко впадали в уныние, а Тиран пел частушки, шутил, рассказывал армянские и французские анекдоты, и многие невольно улыбались.

Мы с Воскеричяном сидели в одном из уютных кафе на Больших Бульварах, где трескотня современной музыки не заглушает речи собеседников. Он говорил о том, как важно в критические моменты жизни не пасть духом.

— Мои шутки на войне, где постоянно подстерегает тебя смерть, вызваны были вовсе не тем, что я хуже других оценивал остроту ситуации, в которой мы неожиданно оказались. Рассудком все понимал, но сердцем чувствовал, что нельзя терять бодрость духа. Это тот случай, когда между рассудком и сердцем нет полного согласия.

Мой собеседник умолк, как бы ушел в себя. А потом, словно очнувшись от дремы, произнес:

— Дорогой Ашот, при всех превратностях судьбы я остаюсь убежденным оптимистом. Верю, силы мира победят.

Кто только, посетив Париж, не писал о Лувре — хранилище бессмертных произведений человеческой культуры, о красотах Версаля, Дворце инвалидов, Пантеоне, церкви Сен-Шапель, о неповторимом соборе Норт-Дам и многом другом... Но мне нужно было посетить кладбище Пер-Лашез. Помочь в этой поездке вызвался Геворг Бакерджян — руководитель Союза ветеранов войны армян Парижа, человек трудной и интересной судьбы.

Испытав все лишения беженцев Западной Армении, семья Бакерджянов попала в Сирию в самом начале двадцатых годов. Свою трудовую жизнь Геворг начал двенадцатилетним мальчиком на побегушках в одном из магазинов по продаже и реставрации ковров. Мальчик терпеливо переносил жизнь впроголодь. Семья из восьми человек ютилась на окраине Парижа в небольшой двухкомнатной квартире. Смышленный юноша, как замороженный, наблюдал за процессом восстановления старинных ковров. Со временем мастерская стала его родным домом, школой жизни. В семью Геворг возвращался не ранее десяти часов вечера. Обменявшись несколькими словами с родными, быстро засыпал. А утром, чуть свет, — опять на работу.

Так, в трудах и заботах, прошли годы лишений, пока ему удалось открыть свою маленькую мастерскую-магазин. О том, как овладел Геворг тайнами коврового искусства, рассказ длинный, и не об этом сейчас речь. Скажу только, что ему помогла вся семья, выполняя любые работы, дающие хоть какой-нибудь заработок. Они терпеливо ждали, что придет им Тихе — богиня Счастливого Случая.

Геворг Бакерджян — человек худощавый, роста чуть ниже среднего, его темные внимательные глаза как бы вопрошающе устремлены на собеседника, скромный до застенчивости. Ветеран

второй мировой войны мужественно сражался против фашизма. Бакерджян — горячий патриот Советской Армении. При всей своей занятости он находит время, чтобы оказать внимание приезжающим в Париж соотечественникам.

Небольшая гостиница под названием «Пакс», где я останавливался в январе 1980 года, находится на той же улице Тревиз, где работает и проживает Геворг Бакерджян. Перед поездкой на кладбище Пер-Лашез он пригласил меня к себе домой на обед.

Накануне я совершил вместе с Ваганом Навасардяном поездку в Руан. Оставив машину на автоматической платной стоянке, мы прошли по ярко освещенным светом реклам улицам, где соседство старинных и новых прекрасных зданий создает своеобразный облик современного города. Много можно рассказать о Руане даже при нашем беглом знакомстве с ним.

Два собора разных эпох привлекли мое внимание. Один из них величественный, весь устремленный вверх, воздвигнут в одиннадцатом веке. Здесь более пятисот лет назад инквизиция устроила судилище над великой дочерью Франции Жанной д'Арк, как над безбожницей. Другой собор святой Жанны д'Арк являет собой произведение современной архитектуры и построен на площади, где было сожжена на костре Жанна д'Арк.

Чувства не подвластны времени. Французский народ, и не только французский — все свободолюбивое человечество сохраняют в своей памяти легендарный образ патриотки. Руан остался для меня символом бессмертия Жанны д'Арк. Без этой живой памяти город много бы потерял.

Из-за наводнения и плохой погоды наше путешествие с Навасардяном прервалось. В тот же вечер мы покинули Руан. Малолитражка Вагана, петляя в лабиринте шоссейных дорог, наконец попала на автостраду, ведущую в Париж. Ваган любезно предложил, как только погода установится, повторить поездку. Я поблагодарил. В беседе со мной Ваган рассказал много интересного о деятельности Армянского Красного Креста в Париже, о благотворительных вечерах, об оказании помощи престарелым землякам.

Телефонный звонок прервал мои воспоминания о поездке в Руан. Я посмотрел на часы. Час дня.

— Я в вестибюле, — раздался в трубке голос Бакерджяна.

— Сейчас спущусь.

Бакерджян, как обычно, собранный, встретил меня с мягкой улыбкой. Через несколько минут мы оказались у четырехэтажного старинного дома № 35 на узенькой улице Тревиз. На третьем этаже остановились у полуоткрытой двери. Мадам Бакерджян с матерью гостеприимно встретили нас. Я преподнес им ереванские сувениры. Завязалась беседа. Бакерджян рассказал, как в 1972 году он и его земляки стали инициаторами организации Общества патриотов

айнтаповцев по увековечению памяти героических защитников села Айнтап в годы геноцида армян в 1915 году в Западной Армении.

Многие из спасенных айнтаповцев проживают в Советской Армении в селе Таза гюх. По просьбе жителей села в 1973 году оно переименовано в Айнтап.

— Сам я,— сказал Бакерджян,— тоже уроженец этого села. Есть и другие айнтаповцы, живущие во Франции и других странах Европы. Благодаря этому патристическому обществу мы постепенно находим друг друга, поддерживаем самые тесные связи с Арменией и нашими земляками из села Айнтап. Более того, уже несколько лет в Армении действует ткацкая фабрика, где установлены приобретенные нами станки.

Мой собеседник с большим волнением вспомнил, как в один из своих приездов в Ереван узнал, что решением правительства Советской Армении неподалеку от Айнтапа началось строительство памятника жертвам обороны села.

Беседа шла на родном языке. Но с приходом невестки, тоже армянки, потребовался перевод на французский. Я подарил ей изданный в Ереване учебник армянского языка с пояснением на французском, английском и испанском языках. Она обрадовалась и пообещала в следующий мой приезд вести разговор на армянском языке.

Затем Бакерджян рассказал о своем ереванском знакомом враче:

— Я был в гостях у него дома, в Ереване. Семья его занимала трехкомнатную квартиру. После обильного армянского застолья он повез меня на своей машине в больницу, где заведовал отделением. Показал мне несколько палат, познакомил с коллегами. Я расстался с ним, вручив свою парижскую визитную карточку. Прошло несколько лет. И вдруг я недавно получаю от него письмо. Как вы думаете, откуда? Из Америки, Лос-Анджелеса. Оказывается, в 1974 году он со своей семьей переехал на постоянное жительство в Калифорнию.— И протянул мне конверт.

Привожу дословный перевод этого письма:

«Дорогой Геворг! Я не собираюсь оправдываться. Оказавшись в Америке, я познал все муки ада. Мне, врачу с большим стажем, врачеванием заниматься здесь запрещено. Предлагают пройти двухгодичные курсы повышения квалификации, платные. Откуда мне взять столько денег? Их у меня нет. Выполняя различные унижительные работы, чтобы прокормить троих детей и жену, я наконец утвердился в «должности» мойщика полов в одной из больниц Лос-Анджелеса. Иногда, правда, мне доверяют и более «ответственные» поручения, как перевозка тяжелобольных. В Америке я морально, материально и физически так низко пал, что предпочтительнее смерть, чем такое унижение».

В конце письма он просил оказать ему посильную материальную помощь. Не называю фамилию злополучного «искателя счастья», чтобы не нарушить своего обещания Бакерджяну.

Я, в свою очередь, рассказал об одной марсельской встрече. Это тоже печальная история о том, как, поддавшись лживой пропаганде, человек разрушил благополучие семьи.

— Случай аналогичный? — спросил Бакерджян.

— Не совсем. Дело было так. Я собирался уходить после выступления в клубе Джрбашяна. Меня остановил один из слушателей:

— Товарищ Ашот, у вас найдется несколько минут для меня?

— Хотя и поздно, но я слушаю вас.

— Я не здешний, переехал из Ленинакана с семьей два года назад. Свой советский паспорт не сменил. — И, глядя в упор на меня, твердо добавил: — Никогда на это не пойду. В эту беду я попал из-за переписки моей жены со своими родственниками — марсельцами. Они настойчиво советовали нам переехать во Францию. Все это кончилось тем, что, поддавшись уговорам жены, я уступил.

— Надо было все взвесить перед тем, как с семьей тронуться в дальний путь на чужбину.

— Виню только себя. Не можем привыкнуть к новой жизни. Мы же не свиньи, чтобы только есть, уткнувшись рылом в корыто. Человек отличается от свиньи, между прочим, и тем, что иногда глядит на небо, звезды, луну... Каждый раз, встречаясь дома с детьми, с трудом переношу их молчаливые осуждающие взгляды. То и дело ребята вспоминают родную ленинаканскую школу, сверстников. Тоска у них на душе... Это страшно.

— А как жена? — спросил я.

— Молчит угрюмо.

— Чтобы привыкнуть, видимо, нужно больше прожить, — как бы невзначай заметил я.

— К чему привыкнуть? Армяне здесь живут обособленно. Сын с отцом или дочь с матерью, живущие в разных концах Марселя, чаще всего общаются по телефону. Для встреч с родителями или друзьями у них не хватает времени. Время здесь — деньги, живые франки, которые заработать трудно. Видя все это, мне, коренному ленинаканцу, тошно становится. Безумно хочется обратно, на родину, где хлеб и соль, язык и традиции мне так дороги. Словом, товарищ Ашот, не передать словами наших переживаний. Хлеб, который мы едим здесь, словно без соли, в горло не идет. Помогите нам вернуться к берегам Арпачая, где мальчишкой я ловил рыбу и бегал по склонам горы Арагац, так восхитительно воспетой моим великим земляком Аветиком Исаакяном. Я готов на колени встать перед первым советским пограничным столбом и, ступив на священную землю Отечества, обнять первое деревце, склонить перед ним свою голову

и сказать: «Прости, родная, великодушно прости своего заблудшего сына, прости, чтобы дети мои вновь обрели свою родину».

Последние слова Оник выдавил с трудом, находясь в состоянии сильного волнения. На моих глазах этот здоровый мужчина как-то сник, съёжился. Непривыкший, должно быть, проливать слезы, мой собеседник не выдержал...

— Извините, нервы. Это впервые в моей жизни...

О многом еще мы говорили с Бакерджяном. Пора уже было ехать на кладбище Пер-Лашез, печально известное тем, что там 28 мая 1871 года были расстреляны последние защитники Парижской Коммуны. Памятью о них осталась «Стена коммунаров».

Машина Бакерджяна, миновав улицу Лафает, выехала на площадь Сталинграда, где посажено дерево дружбы — память о героических защитниках города на Волге. Далее, мимо станции метро Жана Жореса, тихим ходом, в гуще плотно движущихся машин, мы добрались до проспекта Пирене и вскоре оказались у кладбища Пер-Лашез, где покоятся представители нескольких поколений великих сынов Франции — писатели, философы, композиторы, художники, артисты. Многие надгробия выполнены с большим вкусом и принадлежат резцам знаменитых скульпторов.

У входа на кладбище — Porta Гамбера мы с Бакерджяном задержались около памятника павшим в первую, во вторую мировые войны армянам-воинам и жертвам геноцида 1915 года. Постояли молча у «Стены коммунаров».

Затем мы поехали в пролетарский пригород Парижа Иври и посетили могилу героя движения Сопротивления — Мисака Манушяна. Имя Манушяна широко известно во Франции. Его именем названы улицы, организации, учебные заведения. Манушян и его двадцать три боевых товарища были расстреляны гитлеровцами 21 февраля 1944 года.

По просьбе Ассоциации бывших участников Сопротивления армянского происхождения Франции правительство Советской Армении преподнесло в дар памятник Манушяну, который торжественно, при большом стечении народа, в присутствии французских официальных лиц и представителей посольства СССР и посольств других стран был открыт в 1978 году. Тема «Манушян» еще не исчерпана, говорили мне французские коммунисты, так как подвиг Манушяна и его товарищей символизирует связь французского движения Сопротивления с борьбой советского народа против гитлеровского фашизма.

В Париже в июне погода изменчива. Вот и теперь, попрощавшись с Бакерджяном, под моросющим дождем я направился к метро. Когда я вышел на станции «Трокадеро», дождь перестал и кружевные контуры Эйфелевой башни уже сияли под лучами солнца.

Удивительно, как ни старался я думать о неотложных делах, мысли возвращались к последним встречам. Мои парижские замляки, с кем мне довелось познакомиться, полны лютой ненависти к фашизму, к тем заокеанским политикам, которые разглагольствуют о неизбежности новой мировой войны.

6 февраля 1980 года. Вечером я должен был выступать в клубе Культурного союза армян Франции и жафистов — членов армянской молодежной демократической организации.

— Уважаемый Арзуманян, — обратился ко мне один из организаторов, — буржуазный пропагандистский аппарат Франции в связи с событиями в Афганистане пронизан антисоветизмом. Словом, обстановка тревожная. Париж плохо управляем. Давайте отложим ваше выступление.

— Мы ведь отвечаем за вашу безопасность, — вставил еще кто-то.

— А что может быть? — спросил я, продолжая мелкими глотками отпивать кофе.

— Могут пулю пустить в вас.

— А еще?

— Могут бомбочку бросить в зал.

— А ведь в зале, как вы утверждаете, будет около ста парижан. Почему вы думаете, что пострадаю именно я?

— Вы наш гость, мы обязаны больше всего заботиться о вас. Вы правы. Несчастье может постигнуть любого из нас.

Высказав свои опасения, они явно ждали моего ответа.

— Спасибо за заботу, дорогие товарищи. Но о сегодняшнем моем выступлении уже объявлено в некоторых парижских армянских газетах разных направлений, и, так как вход свободный, может зайти любой желающий. Об отмене или переносе и речи быть не может. Я начну выступление ровно в восемь, как объявлено. Ваша забота сделать так, чтобы не сорвать сегодняшний вечер.

Высказав свое твердое решение, я вместе с первым секретарем советского посольства Рубеном Саакяном вышел на улицу. В запасе у нас было еще полчаса.

В зале многолюдно. Пришли не только армяне, но и пары смешанного брака.

В свое выступление о духовном мире моих литературных героев я включил рассказ о президенте Академии наук Армении, всемирно известном астрофизике Викторе Амбарцумяне, прошедшем прекрасную школу в Ленинградском университете и Пулковской обсерватории; мальчике, спасенном во время трагедии 1905 года в городе Шуше Ованесе Тевосяне, будущем выдающемся организаторе советской тяжелой индустрии. Я говорил о выходе из бедной семьи села Санаин, дважды Герое Социалистического Труда, генерал-полковнике,

академике Артеме Микояне, одном из ведущих авиаконструкторов нашего времени; поведал о жизненном пути бывшего мичмана царского флота Ованеса Исакова (Тер-Исаакяна), выдающиеся способности которого полностью раскрылись после Октябрьской революции. Став крупнейшим теоретиком и флотоводцем Страны Советов, он одним из первых получил высокое звание адмирала флота Советского Союза. Рассказал о жизни и деятельности выпускника Ереванского политехнического института академика Николае Ениколопяне — крупнейшего исследователя органической химии, об ученом-физике Хачике Багдасарове, труды которого известны всему научному миру. Познакомил присутствующих с огромными научными заслугами крупнейшего востоковеда, историка-археолога, организатора Академии наук Армении и ее первого президента академика Иосифа Орбели, жизнь которого протекала в Армении и Ленинграде; напомнил о высоком гражданском подвиге директора Ленинградского Эрмитажа Орбели, который под бомбежкой и артиллерийским обстрелом, пренебрегая смертью, выступал перед защитниками блокадного Ленинграда и призывал их не дать фашистским отщепенцам осквернить священную землю Ленинграда.

Впоследствии защитник Ленинграда Орбели для составленного мною сборника «Дружба» о творческих связях Армении и России в своей волнующей статье «О чем думалось в дни и ночи блокады Ленинграда» напишет: «...Что станется с армянской цветущей равниной и с прекрасной, залитой солнцем столицей и тысячами маленьких смуглых черноволосых ребятишек, если и туда залетят с юга фашистские бомбовозы или начнут залетать снаряды из-за пограничной реки Аракс, не более отдаленной от Еревана, чем места расположения фашистской артиллерии в пригородах Ленинграда».

Заметив, как меня внимательно слушают, я продолжал цитировать: «Но когда возникло это тревожное чувство, оно всегда облегчалось сознанием, что эта маленькая родная республика, ее поля, города, а главное — дети не брошены на произвол судьбы, что они ограждены несокрушимой стеной тех же мужественных и самоотверженных советских бойцов, которые ограждают Ленинград и каждый клочок родной советской земли — земли, безраздельно принадлежащей всей великой советской семье народов, навеки сплотившихся вокруг великого русского народа. И когда я встречал среди бойцов Ленинградского фронта солдат или офицеров армян, в моей памяти вставал незабываемый образ молодого русского пограничника, явившегося с делегацией только что отстоявших свою вахту пограничников, чтобы приветствовать писателей, отмечавших в Ереване тысячелетний юбилей «Давида Сасунского». Вспомнилось лицо этого юноши, декламировавшего отрывок из эпоса «Давид Сасунский», где говорится о долге каждого бороться не только за свою свободу, но и протянуть руку братской помощи тем, кому не хватает собственных сил, чтобы добыть свое освобождение».

...Советская Армения прошла нелегкий путь становления. Было много трудностей на пути к новой жизни. И недостаток, с которыми мы ведем непримиримую борьбу, хватает. Ну и что из этого? Ведь всякое дело ценится по результатам, а не по тому, что еще не сделано. Наш народ в дружной семье народов за шестьдесят лет Советской власти превратил страну сирот, эпидемий и дикого произвола в цветущий край с высокоразвитой индустрией, высшими учебными заведениями, Академией наук, с многочисленными научно-исследовательскими институтами, театрами и музеями. Да разве все перечислишь? Сегодня Армения дышит полной грудью. Повсюду в лучезарном Ереване звучат родная армянская речь и чарующие мелодии Комитаса и Екмаляна, Спендиаряна и Хачатуряна, а волшебные краски Сарьяна поют гимн матери-родине Армении.

Мать не выбирают, как не выбирают и родину-мать. Бороздящие морщины на лице матери сглаживаются от самоотверженного труда каждого из нас. Многие из присутствующих на этой встрече не раз бывали в Армении. Они воочию могли убедиться, как из года в год хорошеет республика. Сейчас на ваших лицах я читаю радость и гордость, когда говорю о высоком трудовом энтузиазме в связи с шестидесятилетием нашей с вами Советской Армении. В том и сила братских народов, что и в трудную годину и в радостный час они всегда вместе. Вот почему юбилей Армении стал общесоюзным праздником для всех народов.

Отвечая на заданные вопросы, я продолжал:

— Армения как самостоятельная социалистическая республика входит в состав Советского Союза. Союзное правительство в Москве координирует всю многостороннюю жизнь республик, где живут и трудятся сто тридцать народов и народностей. Каждый народ развивает свою экономику и культуру не по чьей-либо указке, а с учетом своих природных и людских богатств, культурных традиций и тех кадров, которые способны поднять развитие каждой национальной республики на новую, еще более высокую ступень.

Не по чьей-либо указке, а исходя из наличия месторождений, которыми богата наша земля, развивается в Армении горнорудная промышленность. Благодаря активной деятельности наших ученых и инженеров получили бурный расцвет электромашиностроение, электроника, станкостроение.

Для всякого большого начинания нужны люди не только одаренные, но и волевые, способные решать сложные народнохозяйственные проблемы. Двенадцать вузов Армении успешно решают кадровые вопросы.

Что могло заставить бывшего архитектора его императорского величества академика Александра Таманяна бросить в начале двадцатых годов Петроград — Ленинград, переехать в глинобитный, провинциальный Ереван и засучив рукава взяться за планировку

и строительство столицы Армении?.. Любовь к Родине. Безграничная любовь.

Кто мог принудить Александра Спендиаряна расстаться со своим особняком в Крыму, в Судаке, и, живя в крохотной квартире Еревана, сочинять бессмертную оперу «Алмаст»?.. Любовь к Родине. Беззаветная любовь.

По чьей указке могла развиваться астрофизика в Армении, если бы академик Виктор Амбарцумян не переехал из Ленинграда, оставив свою просторную комфортабельную квартиру, Ленинградский университет, и по своей инициативе, одобренной правительством, не начал строительство на склонах горы Арагац теперь уже всемирно известной Бюраканской астрофизической обсерватории. Сам же с семьей в восемь человек на первых порах ютился в номере гостиницы «Ереван», лишенном всяких удобств.

Я могу привести еще примеры. Но думаю, что из сказанного ясно: хозяйственное и культурное развитие республики всегда определялось правительством Армении с учетом экономических особенностей, при самоотверженном усилии инициативных, талантливых кадров.

Я не знаю, кто автор этой записки, но вопрос поставлен прямо: «Мсье Ашот, в порядке самокритики скажите, что стало с армянским химкомбинатом?»

— Начну, как вы пишете, с самокритики. Если вы читаете наши газеты, то обязательно встретите острокритические статьи, фельетоны. Мы не боимся вскрывать наши недостатки. Разница только в том, что мы об этом говорим с болью и досадой, тогда как те же факты становятся у наших недругов поводом для злопыхательства. Хотел бы спросить у автора записки: о каком химкомбинате идет речь, у нас их несколько?

— О том, что губит всю зелень в Цахкадзоре, — раздался из зала женский голос.

— Я понял вас. Наша пресса резко критиковала строительство Разданского горнохимического комбината. История вопроса такова. В самом начале пятидесятых годов, поверив обоснованиям одного из технологов, вышестоящие органы санкционировали строительство комбината. Грубой ошибкой следует считать выбор места — Цахкадзор, живописную здравницу республики. Годы спустя выяснилось, что научное и технологическое обоснования не выдерживают критики. Идя навстречу просьбе правительства Армении о нецелесообразности продолжения работ, союзное правительство, не считаясь с уже затраченными огромными капитальными вложениями и потерей времени — четверть века, — ради спасения природы поддержало инициативу правительства Армении. В конце 1978 года этот промышленный объект был законсервирован.

— А цементный завод, продолжая дымить и сейчас, отравляет атмосферу, — раздался тот же голос. — Я была недавно на родине и сама видела.

— К сожалению, вы правы. Цементный завод тем же решением должен быть демонтирован и перенесен в другое, более безопасное для природы место. Вопрос времени, не более четырех-пяти лет.

— Как случилось, что весной этого года погиб весь урожай в Араратской долине?

— Из-за стихийного бедствия. В середине апреля, ночью, неожиданно выпал снег и ударил мороз в десять градусов. Кто помог армянским колхозникам в этот тяжкий час? Москва, братские республики. Чтобы подсчитать размеры ущерба, нанесенного сельскому хозяйству Армении, из Москвы прибыла авторитетная комиссия. Союзное правительство из своих резервов отпустило республике необходимые средства.

Прошло около двух часов. Разговор продолжался. Вновь посыпались вопросы: и по существу прочитанной лекции, как здесь принято говорить, и о международных проблемах, и о едином армянском языке... И еще о многом другом. В этой далеко не однородной аудитории, где твое выступление, вопросы и ответы записывают несколько магнитофонов, царил атмосфера доброжелательности.

В глубине души я сознавал, сколь серьезна выпавшая на мою долю ответственность, когда мои слушатели — представители различных организаций и убеждений — задавали вопросы, причем всякие, на которые следует тут же отвечать. Я внутренним чутьем понимал, что это вызвано скорее незнанием, чем желанием поставить меня в неловкое положение. Естественно, мы не во всем были единомышленниками, но активность аудитории, заинтересованный открытый разговор очень импонировал мне. Важно, что сегодня выпала еще одна возможность поделиться мыслями, понять друг друга.

Разошлись мы в первом часу ночи. Малолитражка Рубена Саакяна остановилась у ночного кафе. Я только сейчас почувствовал невероятную усталость.

— А знаете, Ашот Мартиросович, — промолвил Рубен Саакян, — организаторы все-таки позаботились о безопасности.

Приехав домой, я старался заснуть. Погасил свет. Ничего не вышло. Не спалось. Я думал о том, в какой степени в непривычных условиях человек ощущает меру своей ответственности. Ответственности перед самим собой, перед Родиной, маленькой частичкой которой является. От того, как поймешь степень доверия как коммунист-писатель, находясь за рубежом в сложной международной обстановке, зависит успех выполненного долга. Эти мысли обуревали меня, гнали сон.

В один из февральских вечеров 1980 года я шел по улицам Парижа на открытие ассоциации по передаче культурных ценностей Советской Армении. Кружа в воздухе, падали редкие снежинки, таявшие тут же,

на лету, и только на вереницах запаркованных автомашин задерживаясь легкой вуалью.

На торжественном открытии присутствовали представители армянских прогрессивных организаций, советского посольства, художники и артисты. В своем приветственном слове председатель ассоциации Альбер Ащчан рассказал о целях и задачах ассоциации, об открытии воскресной школы для армянских детей, желающих изучать родной язык. Были еще приветствия. Я подарил школе несколько армянских учебников и армянский календарь на 1980 год, пожелав членам ассоциации успешной деятельности в их благородном начинании. Здесь же я познакомился с пожилым человеком.

— Джинджян,— представился он.— Вы из Еревана, а потому разрешите спросить: моя фамилия вам ничего не говорит?

От неожиданности я несколько смутился.

— Я подарил моей родине сорок одно полотно Ованеса Айвазовского и по две работы Репина и Шишкина, то есть все, что составляло смысл моей сознательной жизни. Сейчас мне восемьдесят семь. По моей просьбе многие парижские армяне, мои друзья и родственники посетили Картинную галерею Еревана, но в залах, где экспонируются картины Айвазовского, нигде не встретили моей фамилии...

Абраам Джинджян вопросительно и взволнованно смотрел на меня, ожидая моей реакции, моего ответа на свой вопрос. С быстрой кинокадров я перенесся в залы выставки Моне в Париже, где я на днях провел несколько чудесных часов. Я вспомнил четыре картины Моне, привезенные из Эрмитажа. На одной из них на латуни значится фамилия обладателя картины, подарившего ее Эрмитажу. Значит, можно, значит, нужно упоминать фамилию патриота, который, кто знает, с какой болью расстался с любимым произведением искусства, чтобы обогатить коллекцию картинных галерей нашей страны. И я решил. Решился на святую ложь, чтобы не разрушить его представления о нашем благородстве. Старик продолжал вопросительно смотреть на меня.

— Мсье Джинджян, ваша горечь мне понятна. Вы и меня взволновали. Но все дело в том, что я своими глазами видел вашу фамилию на великолепной композиции Айвазовского «Христофор Колумб», где было выгравировано: «Из подарков А. Джинджяна. Париж». Сейчас я все восстановил в памяти.

Старик обнял мою голову дрожащими от радости руками и поцеловал в лоб.

— В таком случае,— сказал Джинджян,— сфотографируйте и пришлите мне хотя бы эту надпись. Это не мне нужно, а для воспитания молодых, чтобы они подхватили эстафету моего поколения. Это одновременно и ответ тем недоброжелателям нашей Советской Армении, которые не верят, что благородные поступки уцелевших на чужбине армян ценят и помнят на родине.

По возвращении в Ереван я на следующий день посетил Картинную галерею, надолго задержался в залах Айвазовского. Великолепные произведения висели на стенах, а латуни, на которой значится фамилия Джинджяна, я не нашел. Читатель заметит, сколь прискорбен этот факт.

С чувством горечи я зашел к директору Картинной галереи, народному художнику Армении, моему другу детства Эдуарду Исабекяну, и рассказал обо всем. Он так взорвался в гнев, так был взволнован, что немедленно распорядился исправить досадное упущение. Исабекян избавил меня от неприятной обязанности идти по инстанциям и объяснять очевидность столь простой истины.

Мы заговорили с Эдуардом Исабекяном о ценности подаренных Джинджяном работ Айвазовского.

— Посмотрите на это полотно «Буря у берегов Ниццы», — обратился ко мне художник. Исабекян говорил о творчестве Айвазовского страстно, с любовью. — Нам, потомкам великого мариниста, беззаветно влюбленного в мощную стихию морей, не так просто проникнуть в глубину философского мышления художника, по мановению кисти которого на дыбы поднимались волны. Перед картинами великого мастера я всегда забываю о понятии профессиональных задач так же, как это случается перед настоящими творениями. Передо мной не «водное пространство», не марина, не пейзаж, а живое существо, которое просто, как человек, может находиться во всех состояниях.

Мы медленно двигались от картины к картине, а Исабекян продолжал свою мысль:

— Айвазовский великолепен в своем гневе, благородном гневе гения, в возмущении. Он имел все основания бушевать при виде у дверей своей феодосийской мастерской толпы спасенных от резни армян-беженцев, своих соотечественников. И тогда под его яростной кистью волны обрушивались на скалы, твердыни берегов... Много написал картин великий мастер. Это кажется не под силу одному художнику. Их можно встретить почти во всех музеях мира. Годами Картинная галерея кропотливо собирала и собирает его работы, можно смело сказать, что галерея Армении обладает значительной коллекцией полотен Айвазовского (около семидесяти) и среди лучших — картины, подаренные Джинджяном. Особо хочется упомянуть большую картину «Христофор Колумб», «Буря у берегов Ниццы», «Перед бурей», «Волна», «Кораблекрушение» и многие другие, которые, к сожалению, нет возможности одновременно выставить.

Я поблагодарил Эдуарда Исабекяна, а он попросил передать Джинджяну фото картины Айвазовского, на которой он прочтет свою фамилию на армянском языке.

Перед следующим отъездом в Париж в конце мая 1980 года я еще раз посетил залы Айвазовского. Здесь я встретил одного из основате-

лей Картинной галереи Еревана, заслуженного деятеля искусств Армении Рубена Дрампяна. Наша беседа, как догадывается читатель, касалась творчества великого мариниста.

— Собрание произведений Айвазовского в нашей галерее по количеству уступает лишь Феодосийской, — говорил Дрампян, — но превосходит последнюю качеством работ. Еще в первые годы организации Армянской галереи к нам поступило несколько значительных произведений художника. К ним следует отнести «Восход солнца на набережной Феодосии» (1855 г.), «Рыбаки на берегу моря» (1852 г.), «Неаполитанский залив в туманное утро» (1874 г.) и еще несколько других полотен.

Картина «Неаполитанский залив...» — одно из лучших творений Айвазовского и ничем не уступает таким прославленным картинам, как «Девятый вал» в Русском музее или «Черное море» в Третьяковской галерее, — продолжал старейший искусствовед. — «Неаполитанский залив...» получил высокую оценку И. Н. Крамского: «Айвазовский, как бы и что бы ни говорил, есть звезда первой величины, и не только у нас, а и в истории искусства вообще».

В картине «Неаполитанский залив в туманное утро» Айвазовский, как это ни кажется странным, поставил и разрешил пленерную задачу, которую в те годы ставили французские импрессионисты. Передача туманной атмосферы, которой пропитан окружающий воздух, решена Айвазовским блестяще. Эта картина среди всех остальных работ собрания в Картинной галерее Армении не только лучшая, но и единственная по поставленной пленерной задаче.

Я вновь в Париже. Мои мысли об Айвазовском, о Ереванской картинной галерее, о патриотизме живущих за рубежом моих земляков прервал телефонный звонок.

— С приездом, Ашот. Вас беспокоит Джинджян. Я вернулся из поездки и готов встретиться с вами. Мне будет приятно видеть вас в своем доме.

На углу улицы Декамп я спустился по крутой лестнице станции метро «Помп» и, сделав пересадку на шоссе Дантен, поехал до станции «Каде». Эскалатор быстро вывел меня на тротуар, где я увидел Абраама Джинджяна. С легкостью, удивительной для его почтенного возраста, он шел мне навстречу. Его движения порывисты, быстры. По всему видно, что он рад нашей встрече.

— Вы так сразу приглашаете домой? — спросил я.

— А как же иначе? Живущий во Франции армянин всегда придерживается традиций своего народа.

Через несколько минут мы оказались на улице Рошешуар, у старинного дома 26, где живет Джинджян. Двухместный лифт доставил нас на третий этаж. На площадке полумрак. Звоним. Дверь распахивается. Мы входим в слабо освещенную узенькую переднюю. Нас встречает зять. Он приветствует меня на французском и армян-

ском языке. По-видимому, слова привет — единственный запас его знаний армянского языка. Абраам Джинджян приглашает меня в залитый дневным светом кабинет-гостиную.

— Нам повезло сегодня. Энергетики Парижа вот уже который день объявили забастовку. Они поочередно выключают электрическую энергию. Так что дня два назад нам пришлось бы подниматься своим ходом. А каково положение тех соседей, которые живут на последнем, восьмом этаже?.. И уж совсем неприятно застрять в лифте между этажами.

Я кладу на стол большой конверт с фотографиями.

— А это вам, мсье Джинджян, обещанное.

Он быстрым движением достает фотографии и вслух читает на картине «Христофор Колумб» надпись: «Из подарков Джинджяна. Париж».

Передо мной сидел человек, который не знал, как выразить свою радость.

— Помните нашу первую встречу?

— Как не помнить! Теперь я счастлив. Значит, на родине помнят старого Джинджяна.

Я бросил взгляд на убранство комнаты. Старый высокий буфет, стол, стулья, мебель большой давности. На стенах несколько фотографий в рамках, среди них в красивой раме редкая фотография Айвазовского. Через дверь в смежную комнату виднеется телевизор, рядом этажерка с книгами и два низких, изрядно потрепанных мягких кресла. Ничего лишнего.

Успокоившись, Джинджян заметил:

— Друг мой, с чего начнем нашу беседу?

— С вашей биографии.

— Я обыкновенный человек, который, как и тысяча спасенных от турецкой резни армянских беженцев, с раннего возраста видевший холод и голод, пустился в самостоятельное плавание по морю житейскому, не зная, к какому берегу пристану. Скитаюсь по разным городам и городишкам, я всегда помнил слова отца — рядового счетного работника: «Если смолоду не научишься какой-либо профессии и языкам, пропадешь в жизни». Поэтому я владею, кроме армянского, французского и немецкого, еще и арабским языком. В восемнадцатилетнем возрасте в 1911 году учился и работал в сельскохозяйственной школе неподалеку от Марселя. Но из меня агронома не получилось, хотя я и окончил ее успешно, получив звание техника. Накануне первой мировой войны в поисках средств для существования попал в город Картан, тоже недалеко от Марселя. С ужасом вспоминаю работу в подземных угольных карьерах. Зарабатывал гроши — три франка в день. «Чтобы начать жить прилично, надо иметь более надежную профессию», — думал я. Поэто-

му с 1917 года обосновался в Марселе и в возрасте двадцати четырех лет стал учеником у одного из прекрасных мастеров кожаного и обувного дела — Врежа. Опытный специалист терпеливо учил меня всем тонкостям своей профессии. Постоянно твердил: «Без любви нельзя овладеть каким-либо делом. Запомни, Абраам». Эти слова я и сейчас не могу вспоминать без волнения. С тех пор я работаю посредником по оптовой продаже обуви различных французских обувных фирм. До недавнего времени представлял пять фирм. Работал с семи утра и до одиннадцати вечера, чтобы прокормить семью и помочь детям встать на ноги. Теперь, когда мне восемьдесят семь лет, я получаю пенсию и представляю только две фирмы. Слава богу, дочь моя, Вероника, окончила марсельскую консерваторию. Она пианистка. Зять тоже работает. Жена рано ушла из жизни. А сын мой, Рене, невропатолог, внезапно скончался три года назад от вирусной болезни. Он побывал в Советском Союзе, участвовал в работе международного симпозиума. Вот, пожалуй, и вся моя биография. Как видите, в моей жизни нет ничего примечательного. Обычная борьба за существование и стремление дать детям образование, чтобы они оказались более жизнестойкими в мире, где перед франком шапку снимают.

— Как родилась у вас идея коллекционировать полотна Айвазовского? — спросил я.

— Живя в Марселе, я влюбился в спокойную и бурлящую водную стихию. Все свободное от работы время проводил в Марсельском порту, на лазурном берегу Канны и Ниццы, куда я приезжал по служебным делам. Постепенно капризное море завладело всем моим существом. Я любил наблюдать в Марсельском порту за уходящими в океан кораблями, за причалившими к берегу в штормовую погоду рыбаковскими шхунами. Я был хорошим пловцом. Несколько раз на себе испытал могучую силу штормов. Несколько раз тонул. Все было. В годы моей молодости я еще не имел ни малейшего понятия о творчестве Айвазовского. Но вот однажды, в 1924 году, раздался звонок. Я отворил дверь. Незнакомый человек средних лет передал мне письмо от моих близких родственников с просьбой устроить его — Грима — на какую-либо работу и оказать ему в первое время материальную помощь.

Письму их я выполнил. Грим ушел довольный теплым приемом. Прошло несколько недель, но он не появлялся. Я, перегруженный работой, перестал о нем думать. И вот как-то Грим пришел с завернутым в большой лист бумаги пакетом. Он сказал, что по моей рекомендации хозяин книжного магазина принял его на работу. Его обязанностью было приобретение ценных старинных книг у частных лиц. Протянув мне пакет, он сказал, что купил эту картину по сходной цене и подносит ее мне в знак благодарности за горячее участие в его судьбе. Раскрыв пакет, я увидел картину в добротной раме с надписью «Буря на Черном море», И. Гайвазовский. Прекрасное творение!

Я вопросительно посмотрел на Грима. Чтобы вывести меня из состояния растерянности, он стал рассказывать:

— А знаете, мсье Джинджян, Гайвазовский — всемирно известный певец моря, маринист — ваш великий земляк. Он родился в армянской семье 17 июля 1817 года, в городе Феодосии, что находится на Крымском полуострове. Впоследствии Ованесу Гайвазовскому стало известно, что его предки носили фамилию Айвазовский. Поэтому, убрав первую букву, он стал писать Айвазовский, Ованес Айвазовский. Художественное образование получил в Петербурге у выдающихся русских художников, но постоянно жил в Феодосии. Совершенствовал свое мастерство в Европе.

Джинджян продолжал:

— «Буря на Черном море» настолько заворожала меня, что стало чудиться, будто картина дышит, волны вздымаются и вот-вот хлынут из рамы. Я был потрясен мощью захватывающего видения. С этого момента, с первой встречи с Айвазовским, связано мое новое рождение. Рождение человека, для которого творчество художника стало страстным увлечением. Мне хотелось все больше и больше проникнуть в мир его образов. И я стал учиться. Теперь уже при первой возможности приобретал книги о живописи, о маринистах. Постепенно интуитивная любовь к Айвазовскому стала осмысленным, продуманным чувством. Точнее, неизлечимой болезнью.

Через несколько дней Грим сообщил мне, что в Каннах у одного отставного офицера фон Тервиша он видел изумительное полотно Айвазовского «У берегов древней Греции». На следующий день на своей старенькой машине я выехал в Канны, благо у меня там были дела.

Без труда договорились с фон Тервишем о стоимости картины. Затем сняли ее из подрамника и скатали. Так, случайно, я стал обладателем второго произведения любимого художника. Все в этой работе было подчинено душевному движению автора, от нее веяло глубокой поэтической правдой, любовью к Элладе, к жизни.

— Мсье Джинджян, судя по всему, вы рисковали. Вас же могли обмануть, предложить искусно выполненную подделку.

— Совершенно верно. Вначале я был доверчив и мне везло. Эксперты подтверждали подлинность моих приобретений. Но однажды я все-таки обжегся. Когда я показал специалисту небольшой морской пейзаж, он прямо сказал, что меня надули. Это не оригинал Айвазовского. Я долго буду помнить полный сострадания взгляд эксперта, который посоветовал в будущем никогда не покупать картин Айвазовского без консультации со знатоками. Охотников копировать великого мариниста слишком много.

Любовь к искусству Айвазовского настолько овладела мною, что друзья и знакомые, как только узнавали, что кто-нибудь собирается продать его картины, звонили мне, телеграфировали, писали письма.

Поиск полотен Айвазовского продолжался. С каждым годом моя коллекция росла. Однажды в Ницце произошел забавный случай. За картину «Буря на море» торговец антикварного магазина заломил такую высокую цену, что мне пришлось отдать ему и отложенные на обратный путь деньги. Вдогонку он бросил: «Мсье, не огорчайтесь, во Франции живет армянин по фамилии Джинджян, он коллекционирует картины Айвазовского. Найдите его. Эту же картину он купит у вас за еще большую сумму». Я не знал, плакать мне или смеяться. Радостный, но без единого франка в кармане, голодный, я направился на вокзал, чтобы переспать на скамеечке в зале ожидания. Естественно, не все друзья одобряли мою увлеченность Айвазовским. Один из них утверждал, что времена трудные, деньги неустойчивы, лучше на свои сбережения покупать золото. Оно много места не занимает, положи в мешок, зашей и спрячь в какое-либо укромное место. В случае чего золото, как верный друг, всегда с тобой.

Признаться, я тоже не раз думал об этом. Но с каким золотом можно сравнить счастье быть обладателем картин Айвазовского, иметь возможность постоянного общения с ними? Сама мысль заменить их другими ценностями казалась мне святотатством.

Так, постепенно, в нашей семье возник культ Айвазовского. Но если сын и дочь одобряли мое увлечение, то этого нельзя сказать о жене.

— Абраам, не останавливаясь перед расходами, ты приглашаешь реставраторов, страховые расходы во что обходятся. Таким вниманием не пользуется ни один из членов нашей семьи. Не считаясь с нами, зашторил окна большой комнаты-гостиной, чтобы солнце не повредило картины. Черт знает что ты творишь! Нагрузил себя непомерной работой, не знаешь отдыха. Долго ли продержишься?

— Черт-то знает, чем я занимаюсь, дорогая, а что ты не понимаешь, вот это жаль.

— Понимать-то понимаю, а вот на что ты рассчитываешь, влезая в долги, покупая картины Айвазовского, не знаю. Ты же всегда осуждал тех, кто живет в долг.

В глубине души я сознавал справедливость волнения жены. Но был спокоен. Никогда еще в жизни я не подводил людей.

Как-то, оказавшись по своим делам в Бордо, знакомый антиквар, которому я доверял, дал мне адрес старика, собиравшегося продать картину Айвазовского «Чумаки». Тот запросил очень высокую цену. Сделав над собой усилие, я собирался извиниться за беспокойство и уйти. Но тут хозяин дома примирительно пригласил присесть. Я машинально опустился в кресло.

— Мсье, за это прекрасное творение Айвазовского мне предлагали и больше. Но тогда я не хотел с ним расстаться. А сейчас мне очень нужны деньги. Вы же видите, я еле передвигаюсь. Как бы франки ни

менялись, Айвазовский всегда в цене. Пока у меня были некоторые сбережения, я обходился. А на пенсионные средства никто не станет меня лечить. Вы же знаете, как дорого берут у нас в госпитале.

— Да, но у меня никогда не было таких денег.— Я в уме прикинул возможную стоимость и то, что держу в кошельке. Назвал сумму, правда, тоже солидную, и сказал, что это все, чем я располагаю.

— Давайте остановимся на новой цене. У вас в Бордо, вероятно, есть друзья, берите займы — и картина ваша.

Я не стал торговаться. Картина «Чумаки» заняла почетное место в моей коллекции.

За дверью раздался звонок. Вскоре Вероника заглянула к нам со словами:

— Папа, к тебе пришли по делу, выйди на минутку.

Пока Джинджян был занят деловыми переговорами, я думал о картине «Чумаки». Она отличалась не только высоким мастерством, но и необычным для Айвазовского сюжетом. Море почти отсутствует. Оно едва приметно в глубине картины, а на переднем плане изображен табор. Чумаки занимаются собиранием соли на побережье, а точнее, соляного песка, который потом варят и процеживают.

В картине «Чумаки» видное место занимают фигуры, которые редко когда присутствуют в произведениях художника, а если и присутствуют, то играют роль стаффажа. Здесь же фигуры равноценны с пейзажем. Картина написана в 1857 году, в пору наибольшего расцвета мастерства Айвазовского. Вспомним великолепную картину «Христофор Колумб», созданную художником в 1880 году. По сюжету, по историчности ее сравнивают с «Помпеей» Брюллова — старшего наставника и друга Айвазовского. Сюжетом этого большого полотна явился имевший место эпизод из жизни мореплавателя, с именем которого связано открытие Америки. Колумб во время одного из своих заморских путешествий в конце пятнадцатого века потерпел кораблекрушение и спасся на плавающих остатках погибающего корабля. Но в картине центральное место принадлежит не Колумбу, а морской стихии, разыгравшейся ночью. Лишь луна слабо освещает бурное море. На переднем плане плот, на котором находится Колумб, занимает сравнительно небольшое место.

«Писать молнию, порыв ветра, всплеск воды — немыслимо с натуры». Слова Айвазовского подтверждаются его творческим методом работы по памяти. Исключительная зрительная память художника в сочетании с богатым воображением позволяла создавать типические, убедительные сюжеты высокого искусства.

Вскоре Джинджян вернулся к столу со словами извинения. «Срочные дела», — бросил он на ходу. Наша беседа продолжалась.

— «Буря у берегов Ниццы», «Лунная ночь на берегу моря», «Вол-

на», «Перед бурей, Феодосия», «Спокойное море», «Кораблекрушение» — да разве есть смысл перечислять все шедевры Айвазовского, которые я подарил моей Армении? Каждый из них имеет свою судьбу. Да, да, я не оговорился, именно судьбу, свою историю поиска, полного радостей и разочарований. Поэтому, Ашот, я не стану утомлять вас другими рассказами о трудных годах моих исканий. Хочу вспомнить один эпизод. Полагаю, что он заинтересует вас.

Во Франции о моей коллекции знали многие. Особенно работники искусств. В присутствии группы друзей известный русский художник, историк искусства, человек, глубоко уважаемый мною, Александр Бенуа сказал: «Бедняге Джинджяну кажется, что он коллекционирует картины Айвазовского. Я уверен, что он обманут. Принимает копии за оригинал. Надо остановить человека. Иначе его постигнет не только материальный, но и душевный крах». Мнение Бенуа-искусствоведа, с блеском работающего в качестве художника не только в парижских, но и в итальянских театрах, меня задело за живое. И я не медля через одного из наших общих знакомых пригласил его к себе домой. Бенуа в этот день провел у нас более двух часов, не спеша переходя от одной картины к другой и вновь возвращаясь к ним. Опустился в кресло и, легко вздохнув, медленно заговорил:

— Вот это здорово! Вот это богатство! Как я рад, что ошибся! В мире шедевров живете, мсье Джинджян. Поздравляю, поздравляю! Посмотрите на этот морской пейзаж. Как здесь тщательно продумана композиция, как точно и искусно выбрано место каждой детали, каждого штриха! Айвазовский, обладая даром гения, изумительно чувствовал силу мазка кисти, как композитор — звучание музыкальной фразы. Здесь одной виртуозной техникой ничего не добьешься. Только изучением природы, ставшей плотью пламенного воображения художника, можно подарить человеку наслаждение.

Спасибо, спасибо, мсье Джинджян, за те несколько часов, которые я с удовольствием провел в мире радости русского искусства — Ивана Айвазовского.

— И армянского, — добавил Джинджян.

— Нашего художника, — улыбаясь, промолвил Бенуа.

На прощание Бенуа выразил готовность дать Джинджяну любую консультацию. Много лет прожил Бенуа в Париже. Он скончался в феврале 1960 года, немного не дожив до девяностолетнего возраста.

Во время встречи у Джинджяна стол был завален альбомами, папками, стопками различных бумаг. На небольшом комодике — цветные виды Армении. В трех толстых альбомах — репродукции картин Айвазовского. С точным названием дат, места исполнения. На многих подтекстовки с указанием картинных галерей мира, где они экспонируются. Перечень фамилий обладателей полотен пока не полный. Но, как сказал Джинджян, изыскания продолжатся.

В другом альбоме собраны репродукции произведений собственной коллекции Джинджяна. Под каждой картиной пометка: дата и место приобретения.

— А в этой папке, — сказал Джинджян, — плоды моих изысканий в различных архивах и библиотеках. Здесь воспоминания, газетные оценки, различные высказывания об Айвазовском в годы пребывания художника в Италии и Франции в 1840—1845 годах и в последующие посещения Европы.

«Художественная газета», которая в своем одиннадцатом номере за 1841 год пророчески предсказывала судьбу Айвазовского, теперь информировала своих читателей об успехе мариниста:

«В Риме и Неаполе все говорят о картинах Гайвазовского. В Неаполе так полюбили нашего художника, что дом его целый день наполнен посетителями. Вельможи, поэты, ученые, художники и туристы поочередно ласкают его, угощают и, воспевая в стихах, признают в нем гения...»

Судя по тому, с каким рвением работал художник, эти визиты ненадолго отвлекали его. Среди многих поклонников Айвазовского в Неаполе и Риме самыми восторженными были первый маринист Европы англичанин Тёрнер и неаполитанский патриций, впоследствии друг и адъютант Гарибальди, Векки. Прекрасный знаток живописи, он писал в одной из неаполитанских газет: «Беспристрастно оценивая произведения Италии и прочих земель, спешу известить о присутствии в Неаполе русского живописца морских видов, г. Ивана Гайвазовского. Получив, благодаря своему гению и художественному дарованию, все награды в императорской академии художеств, где он был пенсионером, Гайвазовский путешествует теперь на счет правительства для совершенствования себя в своем искусстве. Вдохновленный прелестным цветом нашего неба и нашего моря, он в каждом взмахе своей кисти выражает свой восторг и свое очарование. Игра лунного света, в котором он хотел изобразить Неаполь ночью, полна истины и блеска и приводит в такой восторг, что наблюдатель, очарованный волшебными переливами красок, среди бела дня переносится как бы в ночь, смотря, как луна светит на горизонте и, придавая особый оттенок предметам, блещет на полосе озаряемого моря...»

Айвазовский хорошо помнил слова Тёрнера: «... Искусство твое высоко и могущественно, потому что тебя вдохновлял гений». Совершая прогулки по Риму, он с благоговением вспоминал своих великих русских учителей-художников и писателей. Похвалу маэстро Тёрнера он воспринимал как стимул к неустанному поиску и труду.

Я продолжаю перелистывать страницы папки Джинджяна, а он между тем достает из своего архива все новые и новые документы.

Вот еще запись: 1843 год. Айвазовский в Париже. Художник выставил в Лувре картины «Море в тихую погоду», «Ночь на берегу

неаполитанского залива» («Остров Капри») и «Буря у берегов Абхазии». Он стал первым представителем русской живописи на выставке в Лувре. Тысячи восторженных парижан любовались картинами художника. Французские газеты были полны похвальных слов в адрес молодого Айвазовского. А Французский институт искусств присудил ему золотую медаль третьей степени. Успех был полный.

Но вскоре Айвазовский выехал из Парижа в Лондон, а оттуда на пароходе направился к португальским и испанским берегам. Повсюду он делал много зарисовок для своих будущих картин. Весной 1844 года художник вновь посетил Париж.

«Возвращаясь из Франции через Нидерланды, — пишет Айвазовский, — я был удостоен звания члена амстердамской академии за картины, мною выставленные...» Осенью 1844 года он прибыл в Петербург. Художник оправдал ожидания своих соотечественников. Рим, Неаполь, Венеция, Лондон и Амстердам удостоили его самых высоких почестей и похвал.

Я перелистываю страницу за страницей объемистую папку Джинджяна. Они скупно и немногословно рассказывают о жизни Айвазовского за границей. Зима 1873 года. В Ницце Айвазовский устроил выставку своих картин в пользу армянского приюта. Во Флоренции весь сбор входной платы на выставку передан в пользу пострадавших от разлива реки Арно. Как всегда, тысячи посетителей заполняли залы, выражая свою любовь к творчеству иностранца художника. Профессора, академики заявили, что, согласно уставу, он как высокопоставленный иностранный художник, должен написать свой портрет для галереи дворца Питти. Такой высокой чести, кроме Айвазовского, из русских художников удостоился только Кипренский.

Многие французские, итальянские и английские газеты поместили восторженные отзывы об этих выставках. Вот еще информация о посещении Египта и Константинополя. Воспоминания самого Айвазовского о своих встречах и впечатлениях.

Посещение Парижа в 1878 году ничем не примечательно для Айвазовского. Говоря об этой поре, художник пишет: «Вообще я заметил, что на парижских художников напала какая-то страсть к легке. За нее принялась, по совету и под руководством Густава Доре, в его мастерской и талантливая сценическая артистка Сара Бернар... В них заметны признаки больших способностей». Далее следуют страницы об организации выставок в России и во многих городах Европы. А вот копия приветствия католикоса всех армян в связи с восьмидесятилетием Айвазовского, широко отмеченного в Феодосии, на родине художника, в сентябре 1897 года.

Джинджян показывает мне прекрасные цветные репродукции трех работ Айвазовского на армянские темы. На одной из них — подпись художника на армянском языке.

Я вспомнил рассказ директора Феодосийской картинной галереи имени Айвазовского Таисии Сергеевны Трубкиной:

— В дни празднования столетнего юбилея нашей картинной галереи были зачитаны доклады о жизни и творчестве Айвазовского. На научно-теоретической конференции выступала и сотрудница Всесоюзного художественного научно-реставрационного центра Е. Седова. Она сообщила о недавно обнаруженной картине Айвазовского «Верблюды в горах Кавказа». Это полотно попало к нам из частной коллекции. Когда на экране появилось изображение картины «Верблюды в горах Кавказа», прибывший из Еревана на торжества искусствовед Минас Сарксян выкрикнул с места: «Это же гора Арарат и верблюды с фигурами людей, идущих по Араратской долине, при чем тут Кавказские горы!» Так к трем известным картинам Айвазовского на армянские темы прибавилась еще одна, четвертая.

Наша беседа с Абраамом Джинджяном закончилась поздним вечером. Он хотел было проводить меня, но я отказался. Пошел пешком. Моросил мелкий дождь. Я ощущал знакомый аромат Парижа. Да, каждый город имеет специфический аромат. Впрочем, может быть, есть города, которые не имеют ничего своеобразного. Мне они не по душе. Париж не такой. Я иду по берегу Сены. Медленно и торжественно течет река. Свидетелем каких только событий не была она! Если бы она могла заговорить...

Не знаю, как получилось, но я оказался на улице Ришелье, у величественного здания Национальной библиотеки. Здесь в начале 1975 года в фондах Виктора Гюго мне так и не удалось обнаружить его переписку с известным армянским драматургом Габриэлом Сундукяном, хотя в свое время в тифлиских газетах некоторые из них были опубликованы. Следы их я не нашел и в парижском доме-музее Виктора Гюго.

Много, очень много памятных мест в Париже. В небольшом квартале имени Мольера в вечернем сумраке виднеется почерневшая от времени бронзовая фигура великого драматурга, сидящего в свободной, непринужденной позе.

Волнение охватывает меня. Вспомнился созданный Булгаковым неповторимый образ французского комедиографа, чье дыхание так живо витает в театре «Комеди франсез», где на спектакле «Мнимый больной» я почувствовал, сколь современен Мольер и сегодня. Это видно было и по бурной реакции зрителей. Но они с таким же вдохновением принимали ансамбль танца под руководством Игоря Моисеева. Концерт «Березки», ансамблей танцев Армении и Грузии в Париже проходили под несмолкающие аплодисменты парижан. Крепкие рукопожатия символизируют дружбу советского и французского народов.

Приехав домой на улицу Декамп, я долго не мог уснуть. Включил магнитофон. Мягкие звуки голоса Заруи (Зары) Долуханян заполнили

комнату. Я знал, с каким успехом она концертировала в Париже. «Как будто только добрые феи окружили ее колыбель и наделили своими дарами, а злая фея не дала ни одного недостатка, — писал в газете «Монд» Рене Дюмениль. — Изысканность, соединенная с простотой, придает ей особое изящество». А Георг Леон во французской радиогазете утверждал: «Мастерство, техника никогда не могут удовлетворить слушателя: он требует еще чувства, музыкальности, глубокой мысли. Только в совокупности эти качества создают впечатление высокого стиля. Зара Долуханова обладает ими. Она выдающаяся артистка нашего времени...»

Проходит неделя. Воскресенье — день очередной встречи с Джинджяном.

...Мы сидим в его доме за тем же столом, где неизменно присутствуют бутылка минеральной воды, правда, не газированной, и бутылка французского вина. Продолжая прерванную беседу, время от времени утоляем жажду: я пью воду, а Джинджян — глотками вино. В ответ на мой вопрос, о чем он еще хотел рассказать, мой собеседник кладет на стол две визитные карточки.

— В один из дней конца 1954 года раздался телефонный звонок. Сотрудник Советского посольства изъявили желание навестить меня и познакомиться с моей коллекцией. Мы договорились о дате и времени. В точно назначенный час посол СССР Виноградов с группой экспертов были у меня дома. После обстоятельного осмотра экспозиции они убедились в подлинности картин Айвазовского и ушли, как мне показалось, довольные. Через несколько дней ко мне явился сотрудник посольства Виктор Володин — вот его визитная карточка — и вежливо поинтересовался, не собираюсь ли я продать картины Айвазовского. Я отрицательно покачал головой. «Если когда-нибудь решитесь, — продолжал он, — советское посольство готово приобрести всю коллекцию. Что касается цены, мы с вами договоримся». Я в недоумении выслушал его и предложил выпить по чашечке кофе. Мне нужно было выиграть время, чтобы прийти в себя от неожиданного предложения. Никогда, нигде и никому я не говорил ни слова о продаже. Более того, сама такая мысль никогда не появлялась у меня. Спрашиваю: «Откуда вы взяли, что я собираюсь лишиться картин Айвазовского, которые давно уже стали частью моей жизни, моего существа?» «Мсье Джинджян, — ответил, улыбаясь, Володин, — неужели вам не жалко лишать тысячи любителей искусства радости новой встречи с работами великого нашего соотечественника?...» Внимательно выслушав Володина, я попросил передать уважаемому послу мои глубокие сожаления, но я не готов принять столь лестное предложение. А двери мои всегда открыты перед прибывающими из Советского Союза гостями.

— Вы, конечно, не одобряете мое поведение? — обратился ко мне Джинджян.

— Я не собираюсь быть судьей. С тех пор много воды утекло. Как же вы все-таки решились добровольно лишиться вашей коллекции? — спросил я.

— Этого вопроса я ждал. К этому вела логика нашей беседы. Диалектика этого вопроса такова. Мой парижский друг известный художник Рафаэл Шишманян в середине пятидесятых годов переехал на постоянное жительство в Ереван. Переписка между нами не прекращалась. В каждой весточке из Армении он рассказывал о достижениях нашего народа, о культуре, искусстве и, конечно же, о Ереванской картинной галерее.

Джинджян дал мне почтительное письмо Шишманяна, датированное 17 апреля 1956 года. Художник не намекал, а тепло, по-дружески советовал реально подумать о передаче коллекции картин Айвазовского Ереванской картинной галерее. «Отдел Айвазовского здесь выглядит прилично, но, Абраам, дорогой мой друг, ты представляешь, как обогатится фонд нашего земляка Ованеса Айвазовского, если в экспозиции появятся собранные за твою долгую жизнь более сорока оригиналов. Ты мысленно только представь. Я знаю, у тебя добрая душа. О моем предложении подумай серьезно. Ты представляешь, что будет с твоей коллекцией, не дай бог, если неминуемое случится. Мы ведь все смертные. Дети твои пустят по ветру, распродадут кому попало. И тогда получится: ты напрасно жил на свете, ничего доброго не сделал для своего народа».

Письмо Шишманяна кончается словами приветия и просьбой встретиться с прибывшими в Париж председателем Армянского общества культурной связи с зарубежными странами Бабкенем Аствацатряном.

В следующем письме из Еревана Шишманян пишет своему парижскому другу, что он весьма доволен приемом и беседой с Аствацатряном. «Пойми, Абраам, когда ты решишься на этот патристический шаг, легче станет на душе. Коллекция твоя будет в безопасности, в сохранности, ухожена. Тысячи посетителей, узнав о твоём поступке, будут молиться богу, чтобы ты долго жил на свете. Вот и все. Жду весточки. Всегда твой Шишманян».

— Дорогой Ашот, поверьте мне, это сущая правда. В поисках решения вопроса у меня в душе начался настоящий хаос. Головные боли участились. Подсознательно я понимал, что мой друг Шишманян прав, прав и Аствацатрян, правы и те, кто шушукается за моей спиной. Душа у меня разрывалась. Сердцем я чувствовал, что я не готов принять решения. Стал раздражительным. Это влияло и на мою основную работу, которая кормила мою семью.

Джинджян отпил несколько глотков вина. Наступило молчание. Я рассматривал рукопись Джинджяна на французском языке с наклеенными репродукциями с картин Айвазовского.

— Как раз в дни моих тяжелых переживаний, — продолжал он, — ко мне в гости напросился сухопарый англичанин. Не помню уже,

сколько он пробыл у меня, но я заметил, что мой гость несколько раз задерживался у полотна «Христофор Колумб»... Потом опустился в кресло около журнального столика, достал из кармана чекую книгу, ручку и весьма вежливым тоном сказал: «Сколько бы вы ни попросили — плачу, не торгуясь. Вы знаете, как эта вещь украсит Британский музей».

— Сар, я не для продажи собрал эту коллекцию. Мне уже много лет. Сколько надо было курить сигар, я уже выкурил, перешел на сигареты, сколько надо было пить виски и джина, выпил, пью теперь только слабое вино. Зачем мне ваши фунты стерлингов? Вы находитесь не в антикварном магазине. Адресом ошиблись. Знай я о вашем намерении, бог свидетель, не пустил бы вас на свой порог. Извините за неучтивость.

Несколько успокоившись, Джинджян достал из большого конверта несколько редких семейных фотографий Айвазовского и протянул мне.

— Они тоже куплены? — спросил я.

— О, нет. Они цены не имеют. Прочтите на обороте: «Благородному Джинджяну от признательной вдове Айвазовского — Анны Бурназян. 25 июля 1924 года. Феодосия».

Дело было так. Мой хороший знакомый, о котором уже шла речь, Грим, сообщил мне летом 1924 года, что вдова Айвазовского жива и находится в бедственном положении. Я немедленно отправил ей посылку с продуктами питания в адрес Феодосийской картинной галереи. Вскоре она подтвердила, что посылку получила. Я послал вторую посылку и написал, что являюсь горячим поклонником творчества Айвазовского. В ответном письме она благодарила за бесценную для того времени помощь и прислала мне вот эти фотореликвии.

Это была пора, когда после гражданской войны наша страна заливала раны. Во многих районах царил эпидемии и голод. В такую вот пору помощь Джинджяна была ни с чем не сравнима. Именно в эти же годы, а точнее, в 1925 году, Анна Мкртчевна (Никитична) Бурназян в поисках средств для существования обратилась с письмом в Наркомпрос Советской Армении с просьбой приобрести для вновь организованной картинной галереи Армении несколько картин мужа.

Вскоре народный комиссар просвещения Асканаз Мравян написал вдове Айвазовского, что по предложению Председателя Совнаркома Саака Тер-Габриеляна решением правительства Советской Армении ей, как вдове армянского художника — основоположника пейзажного жанра в армянской живописи — установлена персональная пенсия.

Вдова Айвазовского скончалась в Феодосии в 1945 году и похоронена у могилы Айвазовского, во дворе старинной армянской церкви.

— В поисках картин Айвазовского, — продолжал Джинджян, — я однажды в 1970 году совершенно случайно в шестнадцатом районе Парижа попал в гости к внуку Айвазовского. Меня очень мило приняли, но отказались продать единственную картину своего великого деда.

Всего за сорок пять лет неустанных поисков я приобрел ценой великих лишений шестьдесят картин Айвазовского. Одно полотно я подарил Католикосу всех армян Вазгену Первому, три — Парижскому армянскому музею, пять — дочери и столько же сыну. Но кто мог подумать, что мой сын Рене так скоростипжно скончается? После его смерти моя невестка и внуки распродали картины случайным людям. Через родственников я попросил сообщить адреса их новых обладателей. Но мои попытки оказались бесплодными. Так я потерял не только картины, но и внуков.

Вероника пригласила отца к телефону. Он, извинившись, удалился. А я задумался...

К сожалению, такие случаи не единичны. На чужбине легко рвутся армянские традиции, засыхают корни привязанности людей. Но я был в Париже и в других домах, где корни устоев армянской семьи по-прежнему прочны. Не могу не сказать о семье Карписа Джрбашяна. Сын Джрбашяна Тигран приехал за мной на улицу Декамп. Передо мной стоял опрятно одетый молодой человек. Машина мчалась по парижским улицам. Тигран охотно поддерживал беседу на родном языке.

Первое знакомство с Карписом Джрбашяном, его супругой армянкой Лизет, дочерьми Гоар и Ануш оставило чувство светлой радости. В этом доме царил армянский язык, и в переводе ни родители, ни дети не нуждались. Во время беседы выяснилось, что хозяин дома родился в Париже. По настоянию родителей получил армянское образование, что не мешает ему преуспевать в своих делах. Воспитал троих детей в том же духе. В этот вечер мы говорили о многом, но больше всего заботила нас проблема языка.

К слову сказать, дело не только в языке. Я беседовал с некоторыми молодыми людьми, которые плохо говорят или вовсе не владеют родным языком. Но в их глазах я читал и печаль и озабоченность. С болью говорили они о том, как из года в год в самой же Франции уходит почва из-под ног армян по неумолимым законам ассимиляции. Существование Советской Армении — большое счастье. Я видел, что это хорошо понимали мои молодые собеседники. Но как прикажешь им мыслить одинаково с тобой, советский гражданин? У них другая судьба, другие беспокойные думы.

Джинджян вернулся к столу. Наша беседа возобновилась.

— Дорогой друг, я вам рассказал о том, как во мне созревала идея передачи коллекции картин Айвазовского Ереванской картинной галерее. Но я еще не признался, что чисто человеческие поступки,

патриотизм Айвазовского постепенно меняли мою психологию. Подумать только! Все свои произведения в экспозиции и в фондах своего дома, недвижимое имущество, сам дом, ставший еще при его жизни картинной галереей, он подарил Феодосии. Весь сбор от своих многочисленных выставок в России и за рубежом он передавал бедным и нуждающимся. Это ли не свидетельство высокой нравственной красоты человека?

Так, шаг за шагом, потухали во мне частнособственнические инстинкты, уступая место благородным чувствам патриотизма и душевной щедрости. Вот тогда-то я и принял твердое решение добровольно лишиться своей коллекции и подарить ее моей родной Армении; я как-то помолодел, словно кто-то снял давящий на сердце камень.

А сколько было хлопот с оформлением документов, упаковкой, отправкой — страшно подумать! Здесь мне неоценимую помощь оказал Культурный союз армян Франции.

Когда я узнал, что моя коллекция благополучно прибыла в Ереван, может быть, впервые в жизни легко вздохнул. Значит, картины в безопасности. Значит, я не зря жил.

В этот момент погас свет. Мы оказались в темноте.

— Это энергетики Парижа. Они еще не кончили забастовку.

Джинджян с не свойственной ему медлительностью встал и, как мне показалось, слегка качнувшись, ощупью подошел к буфету. Зажег свечу и дрожащими руками опустил подсвечник на стол. Под желтоватым, мигающим огоньком свечи он был неузнаваем. Его крепкие, трудовые руки повисли, как плети. Я с трудом уловил глухие, отрывистые слова Джинджяна:

— Наступит день, когда и меня проглотит вечность. Как жутко жить на чужбине покинутым внуками старцем! Они ведь тоже осколки родины...

Это были не слезы отчаяния, а слезы обиды... Видимо, душевная боль этого крепкого человека давно искала выход. Немного погодя Джинджян продолжал:

— Любители искусства, тем более коллекционеры, легко поймут, что значит по доброй воле лишиться любимых картин, в которых прошла полная радость общения жизнь.

— А знаете, Ашот, — вмешалась в беседу дочь Вероника, — в первое время, когда поздно вечером, возвращаясь домой, отец молча сидел перед зияющими пустотой рамами, мы были сильно обеспокоены его здоровьем. Известно, что Врубель жаждал избавиться от своих произведений, а мой отец тосковал по картинам Айвазовского. Как странно устроен человек! Слава богу, с течением времени он оправился и, как видите, в свои восемьдесят семь лет чувствует себя бодро.

Свет вспыхнул так же неожиданно, как погас. Вероника подала чай и удалилась в соседнюю комнату. Вскоре зазвучали армянские

мелодии, фортепианные миниатюры Рахманинова и французских композиторов. Прикасаясь к клавишам, Вероника вводила нас в мир величественных раздумий Комитаса и Екмаляна. Печальные звуки воскрешали в памяти образы армянских памятников старины, бессмертные строки Нарекаци и фрески Овнатаняна.

И вдруг через минутную паузу вихрем ворвалась огненная, будто сверкающая музыка Арама Хачатуряна.

Пианистка проникала в самые глубинные тайны армянской музыки, подарив нам чудесные мгновения, грустные и вдохновенные...

...С Абраамом Джинджяном мы попрощались у ближайшей станции метро «Каде». Он был, как всегда, любезен и бодр. Я же от пережитого чувствовал себя усталым.

Сейчас, когда пишутся эти строки, я вновь мысленно возвращаюсь к прощальному вечеру в доме Джинджянов. Вижу его грустные глаза и трепетный свет свечи, который дрожал, но не гаснул. Вспоминаю дочь его Веронику, которая говорила на малопонятном смешанном языке, до боли коверкая армянскую речь.

Какая Вероника подлинная? Та, что путала армянские слова с французскими, или та, которая вложила свою душу в родные мелодии?.. Обе подлинны. Такова жизнь на чужбине.

В доме у Джинджянов я пил минеральную воду, а хозяин — вино. Каждый из нас утолял жажду по-своему. Из этого читатель не должен заключить, что в армянской семье, в Париже, меня угощали только водой...

Работая над этим очерком у себя в Ереване, я не мог забыть полный горечи шепот Джинджяна о потерянных внуках — детях скоропостижно умершего сына: «Они ведь тоже осколки родины». В этих словах слышалось тревожное беспокойство за судьбу тысяч армянских ребят, живущих вдали от родины. Поколения идут своим чередом, иногда забывая, на чьих плечах мужали.

...Год спустя, когда я вновь посетил Джинджяна в Париже, он радостно сообщил, что завален корреспонденцией из Советского Союза и от армян, живущих за рубежом.

— Вот что наделал ваш очерк в журнале «Огонек»!

Как бы в подтверждение этих слов он положил на стол папку.

Дело в том, что ереванская газета «Голос родины» в четырех номерах печатала мой огоньковский очерк на армянском языке, и весть о благородном поступке Джинджяна, очевидно, уже разнеслась среди подписчиков — армян, проживающих более чем в шестидесяти странах мира.

Бережно раскладывая на столе многочисленные письма, Джинджян дал мне возможность ознакомиться с ними.

Семья Кулик из Полтавы 15 февраля 1981 года писала: «Спасибо вам от всех украинских и русских людей! Пусть не печалят вас пустые

рамки на стенах — вы достойно увековечили свое имя, вас теперь знает весь мир, ваше имя теперь дорого всем советским людям! Спасибо!!!»

На следующем конверте я опять увидел знакомый почерк и обратный полтавский адрес. Читаю:

«Дорогой господин Джинджян, — пишет Татьяна Кулик. — Я благодарна вам за то, что мое письмо не осталось незамеченным вами и вы, несмотря на свою занятость, ответили мне. В августе я побывала в Феодосии, где покоится прах великого Айвазовского, посетила его дом — картинную галерею, была в армянской Сергиевской церкви, где он венчался и где его отпевали. Сейчас в этой церкви музей-лапидарий, где собрано много древних армянских надгробий. Постояла у могилы великого гения и поклонилась его праху от вашего имени. При этом взяла земли с его могилы и этот цветок. И церковь и могила находятся в чудесном небольшом парке, где растут красивые растения, за ними прекрасно ухаживают, там царят тишина и покой.

Извините меня за то, что опять побеспокоила вас, но сделала я это с добрыми намерениями. Искренне преданная вам Татьяна Кулик».

Привлекло мое внимание и коллективное письмо от имени преподавателей и учащихся Училища искусств города Орджоникидзе с Северного Кавказа, несущее в себе искренние слова признательности и душевной чистоты:

«Уважаемый мсье Джинджян! В журнале «Огонек» мы прочитали очерк о вашем благородном поступке — о передаче в дар Ереванской картинной галерее коллекции картин Айвазовского, которые вы собирали в течение всей своей жизни.

Мы восхищены вашим бескорыстием и добротой и бесконечно благодарны вам за такой бесценный дар.

Многим людям подаренные вами картины помогут стать лучше, чище, возвышеннее, а ваше благородство будет всегда служить для них примером подлинной любви к искусству и к людям».

Альберт Мурадов из Тбилиси пишет о том, что благодаря своему поступку Джинджян приобрел много друзей и заслуженную известность.

Вот отрывок из его письма:

«Я вас приглашаю к нам домой, в Тбилиси. Будьте уверены, что мы вас примем, как самого дорогого гостя. Очень прошу вас не отказать в моей просьбе. Несмотря на то, что я живу не в Армении, но мы с вами совершим поездку по древней армянской земле, и я уверен, что будете очарованы новым Ереваном. С нетерпением жду весточки с сообщением о дате приезда».

В конце письма указан подробный адрес Альберта Мурадова.

Маро Акопян из Еревана обращается к Джинджяну:

«Я не знаю, какими словами выразить вам, лучшему патриоту, охватившее меня волнение после прочтения очерка Ашота Арзуманя-

на «Возвращение Айвазовского» на страницах журнала «Огонек». В эти дни ваше имя на устах всех ереванцев. Не прекращается поток посетителей в Ереванской картинной галерее. Я тоже была там и провела счастливые минуты общения с великими творениями Айвазовского. В залах, где экспонируются подаренные вами картины, то и дело произносилась фамилия Джинджян».

Перечитывая одно за другим эти трогательные послания, я радовался за советских людей, умеющих по достоинству оценить поступок настоящего человека.

Передо мною конверты, обклеенные марками различных стран — на английском, испанском, итальянском, румынском, болгарском языках. Армяне шлют слова признательности в Париж Абрааму Джинджяну с разных концов нашей планеты.

Я собирался было закончить знакомство с перепиской, когда Джинджян протянул мне еще одно письмо:

— Получено сегодня, познакомьтесь и переведите, пожалуйста, оно на русском.

Полагая, что читателя тоже заинтересуют строки из далекого Новосибирска, цитирую письмо Метелкина полностью:

«Глубокоуважаемый господин Абраам Джинджян!

От лица многих сибиряков хочу поблагодарить вас за ваш благородный жест, за великолепный и чудесный подарок, который вы сделали нашей стране и своей родине. Этот бесценный дар очень тронул всех тех, кто любит, чтит и дорожит именем прославленного художника Ивана Айвазовского. Большое вам спасибо. В нашей центральной газете «Правда» вчера ваш соотечественник, народный артист СССР Оганес Чекиджян упомянул о вашем даре, не назвав, правда, вашего имени (прилагаю вырезку).

Есть ли у вас журнал «Огонек» №№ 2—3 за 1981 год, где напечатаны репродукции ваших картин в достаточном количестве? Мы можем вам прислать.

Посылаю также маленький сборник рассказов «Арагат — бесподобен» Ашота Арзуманяна, только что вышедший из печати.

Мой отец, которому в этом году исполняется 90 лет, и моя жена Людмила Францевна шлют вам свой привет. Желаем вам бодрости, здоровья, счастья и благополучия!»

— Дорогой Ашот, — обратился ко мне Абраам Джинджян, — если вы намерены рассказать о переписке с моими новыми советскими друзьями, не забудьте передать им слова благодарности старого Джинджяна. Мне ведь перевалило за девяносто. За свою долгую жизнь я привык отвечать на редкие письма близких. А теперь...

Я обещал ему.

Впереди ждали меня новые знакомства, новые впечатления.

День и час встречи с членом Французской Академии искусств художником Гарзу был назначен заранее. Настоящее имя его Гарник, фамилия — Зулумян. Из двух первых слов имени и фамилии возник

псевдоним художника. Его мастерская находится неподалеку от Монпарнаса. Лифт поднимает меня на седьмой этаж. Ровно в шесть часов в открытых дверях мастерской меня встретил господин Гарзу с мягкой, радушной улыбкой, хотя глаза его были полны тоски и страдания. Я выразил ему свое глубокое соболезнование по случаю недавней кончины его единственной любимой сестры Тигрануи. Разговор явно не клеился. В соседней комнате раздался телефонный звонок. Извинившись, художник удалился, попросив меня свободно чувствовать себя в мастерской. Я воспользовался его любезностью. И что же увидел?.. По всей длине коридора в беспорядке стояли начатые и полузавершенные холсты, малые и большие. На стенах кое-как прикрепленные висели картины, написанные маслом, акварелью или карандашом. В обширном зале, где работает художник, на столе лежали коробки красок, множество кистей, карандаши и перья, куски обычной и чертежной бумаги, конверты, стопки раскрытых и еще не распечатанных писем от почитателей искусства любимого мастера.

Рядом, на круглом столике, — альбомы, каталоги на немецком, итальянском, испанском, английском, японском и других языках. Выставки этого самобытного, оригинального художника устраивались в различных странах мира и всегда пользовались неизменным успехом. Недавно по состоянию здоровья Гарзу отказался полететь в Японию на открытие своей персональной выставки в Токио, пятидесятой по счету.

Я внимательно разглядываю прямые, косые, вертикальные, короткие и длинные, едва уловимые линии и точки, так искусно разбросанные по холсту. А вот круглые и полукруглые, овальные линии. Они, эти линии и точки, заняли все пространство холста, создавая неповторимую целостность изображения картины общего вида Парижа в дождливую погоду, или пушки на берегу реки, или крепость на берегу моря. Линии, линии, линии... Порой густо начерченные, редкие, но никогда не хаотичные. Изображает ли художник сушу, воду, пустыню, цветущую природу — повсюду линии. У художника есть свое, только ему присущее выражение творческой фантазии. Богатство линий! Линии выполняют разные функции, думал я. Тишину — горизонтальные, радость — несущиеся вверх, грустные линии спускаются книзу. А образы множества меняющихся оттенков выполняют другие, промежуточные линии. Да, бесконечные конфигурации линий создают мир искусства Гарзу, ни на кого не похожего Гарзу.

Линии... Когда внимательно всматриваешься в них, словно слышишь тихий всплеск моря или сердитое кипение волн. Пушки, готовые в любую минуту поднять свои смертоносные жерла, несущие смерть и разрушение, а вдали — руины полуразвалившихся зданий. Гарзу словно предупреждает об угрозе войны. Войны, горечь которой он испытал сполна в детстве, войны, которую он люто ненавидит и силой своего творчества призывает людей не забывать о нависшей над человечеством опасности. В этом заключается смысл жизни художника, его высшая мораль.

Размышляя о творчестве Гарзу, я не заметил, когда появился хозяин мастерской.

— Извините, я задержал вас. Звонила жена из больницы. Уже две недели она находится на исследовании.

— С интересом рассматривал ваши работы и обстановку, в которой вы трудитесь,— ответил я.

— Что вас интересует, с чего начнем беседу?— спросил художник.

— С вашей биографии. Мои сведения о вашей семье, месте рождения противоречивы.

Гарзу занял кресло напротив меня. Тяжело вздохнул:

— Мои родители — Айкануш Ташчян и Арутюн Зулумян, спасенные от резни беженцы из Тигранакерта (Западная Армения). Родился я 1 января 1907 года в Сирии, в городе Алепо. Безрадостным было мое детство в вечных скитаниях, в борьбе за кусок хлеба. Когда настала пора учиться, мои родители отправили меня в Египет. Начальное образование я получил в каирском армянском Галустяновском училище. Позднее, попав в Париж, увлекся архитектурой. Мое творчество формировалось в общении с такими известными армянскими художниками, как Эдгар Шаин, Вардан Махохян, Рафаэл Шишманян и другие. Каждый из них был личностью в искусстве.

Уместно вспомнить, что Гарзу как художник принимал активное участие в периодической армянской печати. Книги Аршака Чобаняна и Вагана Текеяна, известных писателей и деятелей армянской культуры, в Париже выходили в его оформлении.

Так рождался стиль художника, который, однако, нельзя сказать чтобы был всеми понят и достойно оценен. Проходили годы неустанного поисков и разочарований, пока со временем окончательно не отшлифовался собственный почерк Гарзу.

Каждая из персональных выставок отражала определенные периоды деятельности художника. На первых вернисажах обратили на себя внимание посетителей и критиков такие полотна, как «Виды Венеции», «Двухколесные телеги», «Опустевшая пристань», «Прованс», «Апокалипсис». Картина «Апокалипсис» выставлялась на различных международных выставках и получала высокую оценку искусствоведов разных стран.

Большинство исследователей творчества Гарзу обращали особое внимание на «Апокалипсис», не скупясь на самые высокие и щедрые похвалы.

Один из французских искусствоведов, Жан Кишар, в своем исследовании высказывает следующую мысль: «Гарзу мастер. Он создал доселе нам не знакомые и таинственные вселенные. В отличие от своих предшественников он не перегружает их различными безвкусными украшениями и наводящими ужас существами». А Кристиан Анри Эрон пишет: «Наконец мы являемся современниками такого

художника, который уважает и себя и своих почитателей. Как жаль, что среди прославленных мастеров он остался единственным в своем роде!»

На мой вопрос о методе его работы после короткой паузы Гарзу ответил:

— Такой же вопрос задал мне известный искусствовед Флоран Фельсон. Ну что же, постараюсь объяснить. Когда я нахожусь перед каким-либо предметом или сижу в мастерской, я тотчас же мысленно исчезаю из реальной действительности и попадаю в мир искусства, где царит священная тишина. И тогда, как только я сажусь за мольберт, чудится мне, что мою руку ведет незримая сила. Я как завороченный рисую, рисую, находясь в другом мире, отличном от реального, виденного нами.

Художник силою своей фантазии с помощью красок и линий вводит нас в мир своих образов. На картинах его вонзаются в небо металлические конструкции резервуаров нефти и нефтеперерабатывающих заводов, неподалеку валяются пустые вагоны поездов, то тут, то там торчат безжизненные, суровые скалы, унылые берега морей. На другой картине — безлюдный, на возвышенности дворец, как верный пес, сторожит столь же унылую пустыню. А вот другое полотно, сплошь насыщенное металлом, летящими смертоносными «косяками» огромной разрушительной силы, стрелой несущиеся ракеты, причудливые спутники города, сеющие смерть и разрушение. Металлический ужас царит в небе. А на земле? На земле руины разрушенного города, пушки с перебитыми стволами и пушки с горизонтальными стволами, еще не успевшие выстрелить. Все кругом пустынно. Тишина. Душераздирающая тишина. Некогда цветущий город безлюден и мертв. Нет жизни в этих местах. Нет человека. Нет следов того, что является венцом его творчества. Леденящее впечатление от этого полотна огромно. Кто-то его коротко назвал «Ужас». Гарзу, глядя на лежащую на столе кипу газет и свою картину, говорит:

— Вот к чему может привести преступное безразличие и беспечное спокойствие воинствующих государственных деятелей, если не объединить неумные, могучие силы человечества и не объявить глобальную войну поджигателям новой мировой бойни.

Когда у творца, обладающего чувством гражданского долга, неспокойно на душе, он не может молчать, проходить мимо сложных процессов общественной жизни нашего времени. Вся сила его таланта на службе делу мира.

Гарзу прошел трудный жизненный путь. У него не было счастливого детства, а юность была полна забот и волнений. Поэтому он постоянно думает о детях, о миллионах детей, которые должны вырасти и сделать жизнь на земле еще краше. Об этом он говорит своим обычным, тихим голосом, неторопливо. Но в этом кажущемся

спокойствию угадываются тревога и беспокойство художника. Ярче всего говорят об этом его произведения.

Как великий Айвазовский в своих полотнах отражал необузданную, разрушительную силу морской стихии, так и Гарзу в своих картинах показывает разрушительную силу смертоносного металла. Два художника разных эпох и разных дарований силою кисти выражают ненависть ко всякому насилию.

Я поинтересовался частым появлением на его картинах пушек.

— Мои пушки не всегда несут разрушение, — сказал Гарзу. — Они обрушивают свой огонь лишь на тех, кто покушается на свободу людей. Без выстрелов пушек под Москвой, Сталинградом и Ленинградом в годы второй мировой войны не могли заговорить пушки восставших парижан летом 1944 года. Тридцать восемь лет назад неподалеку от моей мастерской, в здании парижского вокзала Монпарнас, представители командования французских вооруженных сил и движения Сопротивления приняли капитуляцию гитлеровского гарнизона, разгромленного в ходе парижского восстания.

Постучав в полукрытые двери, в мастерскую вошел знакомый почтальон. Он протянул Гарзу телеграмму из Еревана. Надо было видеть, как просияло лицо художника, когда он узнал, что первым среди мастеров армянского изобразительного искусства удостоен премии имени народного художника СССР Мартirosа Сарьяна, с которым его связывала многолетняя дружба.

Мы расстались с Гарзу, большим мастером и обаятельным человеком.

Шагая по улицам Парижа, то тут, то там я узнавал запечатленные художником живописные уголки французской столицы, где он вырос, как художник, приобрел широкую известность. Мне радостно было сознавать, что в горниле борьбы различных направлений современного искусства Гарзу сумел сказать свое весомое, только ему одному присущее слово художника.

В бушующем океане человеческих страстей больше всего страдают попавшие в водоворот событий малые народы. Скитальцев армян спасает на чужбине в неравной борьбе животворная сила культуры — языка, песни, традиций, хотя и они подвержены всем причудам нашего беспокойного времени.

Поэтому не можешь не волноваться, видя, как в субботних школах с разных концов Парижа собираются дети, чтобы впервые в жизни вывести в тетради армянские буквы, созданные в пятом веке Месропом Маштоцем. Или когда в Севре, в армянском пансионате-училище Самуела-Мурадяна, слышишь, как учащиеся декламируют отрывки из поэмы «Неумолкаемая колокольня» так безвременно ушедшего из жизни талантивого поэта Паруйра Севака. Такие же чувства радости

я испытал, когда 11 февраля вошел в культурный центр «Алекс Манукян» благотворительного Союза армян Франции на улице Курсел, 118. Я вместе с первыми секретарями Советского посольства Эдуардом Ходжаяном и Рубеном Саакяном был приглашен на годичный вечер выпускников Есяяновского училища.

Благотворительный Союз армян поддерживает тесные связи с Советской Арменией, оказывает деятельную помощь различным зарубежным армянским организациям более чем в сорока странах мира. Многие годы его возглавляет проживающий в США известный общественный деятель председатель Благотворительного общества проживающих за рубежом армян Алекс Манукян. Союз ведет большую просветительскую работу по созданию школ и клубов, борется за сохранение родного языка и культуры. Успехи Армении вдохновляют членов союза в их патриотической деятельности.

Просторный зал переполнен армянами, людьми разных поколений. Рукопожатия, объятия. Встречаются есяяновцы, которым минуло шестьдесят. Когда-то они были учениками, прилежно изучали родной язык и науки, шалили, любили и огорчались. А сейчас, десятилетия спустя, обзавелись семьями, детьми и внуками и ценой больших усилий сохраняют свое национальное достоинство.

Вечер начался. Щелкнули затворы фотоаппаратов. Короткие приветствия, теплые слова признательности своим первым учителям, попечителям Есяяновского училища. Никаких докладов. В каждом выступлении звучала горячая заинтересованность сохранить язык, родные традиции. Звучат песни о дружбе, о любви, о процветающей Советской Армении, где вот уже шестьдесят лет в мире и труде развивается общенациональная армянская культура.

Предоставили слово и мне. Когда я, не любитель утомлять слушателей цифрами, сказал, что на десять тысяч населения Советской Армении в настоящее время приходится 190 студентов, в то время как в Великобритании — 95, ФРГ — 96, Японии — 149, а во Франции — 165, в зале раздались бурные аплодисменты.

С места поднялась девушка. Она говорила о духовном единстве спюрка (так называют проживающих за границей армян) с родиной, общих усилиях по сохранению армянской культуры на чужбине. Бывшая жительница Бейрута, она гневно осуждала преступные действия израильских оккупантов, вдохновляемых американским империализмом. Погибли тысячи невинных людей — ливанцев, палестинцев. Некогда цветущая армянская колония Ливана разгромлена. Уцелевшие в трагические дни и ночи Бейрута армяне вновь стали беженцами. Это тоже геноцид.

Здоровые национальные чувства моих земляков не вместились в обычные рамки речей и тостов. Но такие встречи становятся своеобразным допингом, толчком к действию. В них есть нечто такое,

чего не выразишь словами. Патриотические чувства — та сила, которая рождает в человеке уважение к самому себе и своим предкам, ставшим воспоминанием, символом.

Я никогда не забуду эту ночь... Как не забуду и слов трех моих молодых соотечественников о том, что «стремление сохранить нацию за рубежом устройством вечеров речами памятниками отдельным деятелям, пусть самым достойным, или возведением траурных мемориалов малозффективно. Это все-таки пассивное самоутверждение. Нужно, чтобы совесть человечества проснулась».

— Но прежде шпюрк должен преодолеть собственные противоречия, — говорили другие. — А для этого необходима самоотверженность каждого из нас. Без совместных усилий трудно представить тесное сотрудничество разрозненных армянских организаций, патриотическая деятельность которых при единстве взглядов дала бы куда более прекрасные результаты.

Я уже упоминал о **ЖАФе** — молодежной прогрессивной армянской организации, которая, кроме Парижа, имеет филиалы в Лионе, Марселе, Десине, Валансе, Гренобле и других французских городах. **Жафисты** участвовали во всех международных форумах. Ежегодно они организуют туристические поездки армян на родину.

— Идея создания клуба **Янцев** (окончание армянских фамилий), — рассказал мне один из его руководителей-энтузиастов, **Товмас Товмасын**, — возникла еще осенью 1963 года. Потом мы приобрели небольшое трехэтажное здание и реконструировали его. 24 апреля 1965 года, в день пятидесятилетия геноцида армян в Турции, в торжественной обстановке состоялось официальное открытие клуба. Тогда нас было всего сорок пять человек. А сейчас членами клуба является более трехсот парижан: врачей инженеров, ученых, художников, писателей педагогов промышленников коммерсантов. Они платят ежегодные взносы. В клубе имеются разные кружки. Наша задача — бороться за сохранение языка и традиций нашего народа, из года в год расширять культурные связи с родиной. Мы с радостью встречаем прибывших из Армении деятелей культуры, искусства и науки, организуем их концерты, лекции и просто собеседования. Туристические поездки наших товарищей на родину давно стали обычным явлением.

Что касается меня, — продолжал **Товмас Товмасын**, человек исключительного обаяния и энергии, — то я имел счастье четыре раза посетить Армению вместе с супругой, видеть своими глазами, как из года в год мой народ в напряженном и счастливым труде строит новую жизнь. Мы получаем от Комитета по культурным связям с зарубежными армянами из Еревана книги, журналы, газеты на родном языке. В клубе проводятся подписка и продажа произведений

советских армянских писателей. Мы поддерживаем связи с нашими земляками, проживающими в других городах Франции и ряде зарубежных стран.

Во главе Общества «Франция — СССР» по Лионскому округу стоит известный общественный деятель, чудом уцелевший в трагические дни 1915 года, патриот Советской Армении Наполеон Бюлюкян, у него с Советским Союзом установились дружественные отношения. Он же председатель Комитета породнившихся городов Лион — Минск. По его инициативе в Лионе открыт кабинет Арама Хачатуряна, где армянские ребята, ученики французских школ, изучают армянский и русский языки.

Активная патриотическая деятельность Культурного союза армян Франции заслуживает самых высоких похвал. Во Франции действует более шестидесяти армянских общественных организаций. Самую широкую деловую помощь оказывает им Комитет по культурным связям с зарубежными армянами при Совете Министров Армянской ССР, возглавляемый Вардкесом Амазаспяном.

...Время проходило быстро. Дни моего пребывания во Франции были так насыщены встречами и различными мероприятиями, что казались короткими.

И вдруг некстати я заболел правосторонней пневмонией. Только благодаря исключительной заботе старшего врача нашего посольства Серго Джелиева я довольно скоро поправился.

Смотрю на запись в блокноте: «Парижские газеты сообщили о встречах прибывшей из Москвы группы депутатов Верховного Совета СССР с депутатами Национального собрания, день спустя — с членами сената. В деловой и дружественной обстановке стороны затронули актуальные вопросы советско-французских отношений, проблемы международной политики.

31 мая в Люксембургском дворце состоялась церемония, посвященная вручению ордена Дружбы народов Жан-Луи Вижье. Вручая награду, руководитель делегации Верховного Совета СССР Л. М. Замятин отметил активное участие Ж.-Л. Вижье в движении Сопротивления. На протяжении многих лет он возглавлял группу франко-советской дружбы сената.

На следующий день в Посольстве СССР я присутствовал при вручении орденов Дружбы народов участникам движения Сопротивления. Присутствующие с большим вниманием слушали выступления французских ветеранов войны. Они благодарили за высокую награду, призывали к бдительности, говорили о необходимости дальнейшего укрепления советско-французского сотрудничества.

Большой деловой жизнью живет Посольство СССР во Франции. Оно проводит много интересных мероприятий по дальнейшему расширению культурных, научно-технических связей. Организуются вечера встреч с видными представителями общественности Франции. За-

помнился мне прием, устроенный в посольстве в честь двадцатой годовщины полета первого человека в космос. Имя Гагарина было у всех на устах.

В Париже, в Советском торгпредстве, я встретился с одним из ветеранов внешней торговли нашей страны, торгпредом СССР во Франции Константином Константиновичем Бахтовым. Рассказывая о развитии взаимовыгодных торговых отношений между СССР и Францией, он рекомендовал мне познакомиться с руководителями фирмы «Хавиар — Петросян». Эта фирма возникла во Франции в 1926—1927 годах и занимается торговлей рыбными продуктами. Она поддерживает с нашей страной долгие контакты.

— Истинные человеческие качества руководителей фирмы «Хавиар — Петросян» проявились в годы фашистской оккупации Франции. Население Парижа чувствовало острую нехватку в продуктах питания. В таком же бедственном положении оказались и мы, сотрудники Советского торгпредства, — вспоминал Константин Константинович. — Понимая наше положение, глава фирмы «Хавиар — Петросян» часто присылал в торгпредство продукты — консервы, колбасу, масло, сыр и даже кофе. Как-то при встрече я попросил руководителей фирмы братьев Мушега и Мелкона не ставить нас в неудобное положение, так как нам нечем расплачиваться. Братья запротестовали: «Мы не позволим, чтобы сотрудники дружественной нам страны терпели голод. Будем и впредь помогать. А об оплате не думайте. Когда у вас будет возможность, тогда и рассчитаетесь. Не думайте, господин Бахтов, что мы способны забыть добро. В то далекое время, когда возникла наша фирма, многие высмеивали нас. Никто не верил в успех нашего предприятия, никто не хотел иметь с нами дела. Советский Союз в конце двадцатых годов был единственной страной, признавшей нас. Вы прекрасно знаете, каких усилий стоило нам укрепить свои позиции».

Да, — задумавшись, продолжал разговор Бахтов. — В те суровые дни, когда грязный сапог оккупантов топтал и землю и самолюбие свободолюбивой Франции, когда наша страна вела кровопролитную войну с вероломной гитлеровской Германией, поступок братьев Петросян был рискованным, больше того — мужественным. Отрели бои. Только после победоносного окончания Великой Отечественной войны Советское торгпредство во Франции полностью расплатилось с фирмой «Хавиар — Петросян». Этот акт не оформлялся никакими договорами, попросту их не было. А установившиеся между нами доверительные отношения крепнут год от года. В настоящее время она связана с восемнадцатью странами мира.

Братьев Петросян давно уже нет в живых, — сказал Константин Константинович. — Но нынешние руководители фирмы, младшее поколение, сохраняют с нами самые добрые отношения. Поэтому, встре-

чаясь со своими земляками, друзьями нашей страны, не обойдите вниманием Петросянов.

Фирмой «Хавиар — Петросян» руководят четверо: Тамара и Армен — дети Мушега и Хачик и Анаит — дети Мелкона. Набрав номер телефона фирмы, я попросил секретаря пригласить к аппарату кого-либо из руководителей. Девичий голос поинтересовался, кто говорит и какой вопрос меня интересует. Пришлось подробно объяснить.

— На месте только мадам Тамара, мсье, сейчас я доложу.

Вскоре в трубке послышалась армянская речь:

— Здравствуйте. Чем можем быть полезными?..

— Я хотел бы познакомиться с вами и вашими компаньонами. Когда это возможно?

— Нас трудно всех собрать, это почти невозможно. Ведь каждый из нас занят делом. Но для вас, прибывшего из Еревана, постараемся сделать встречу возможной. К сожалению, на этой неделе у нас ничего не получится. Позвоните, пожалуйста, послезавтра в это же время. Скажу точно. Если меня не окажется в кабинете, узнаете у секретаря.

В шесть часов вечера я был уже на месте, куда меня любезно согласился подвезти один из сотрудников нашего торгпредства. Меня встретили у входа в здание фирмы и на лифте подняли на третий этаж. Я оказался в приемной. Секретарша, предложив присесть, скрылась в кабинете. Дверь открылась, и на пороге показался молодой человек.

— Хачик Петросян, — отрекомендовался он.

Я начал было излагать причину моего посещения, но тут в кабинет стремительной походкой вошла плотная женщина с волевым, симпатичным лицом.

— Тамара, — проговорила она просто. — По телефону мы с вами уже познакомились.

Хачик и Тамара с готовностью согласились рассказать все, что меня интересует.

Только мы удобно устроились для беседы у журнального столика, как на письменном столе зажглась мигающая лампочка. Хачик снял трубку телефонного аппарата и нахмурился.

— Неужели нельзя обойтись без меня? У нас гость из Армении, с которым мы заранее договорились о встрече... Я понял, придется извиниться, выезжаю. — Положив трубку и откланявшись, Хачик покинул кабинет.

— Так, пожалуй, чего доброго, и вас похитят, Тамара. С кем же я буду беседовать? — улыбаясь, сказал я.

— Да нет, раз я виновница этой встречи, придется отвечать за всех, — подхватив шутку, ответила она. Ее палец опустился на кнопку. Тут же появилась секретарша. — Ни с кем не соединяйте меня. Если что экстренное — доложите.

Тамара повернулась ко мне:

— Что бы вам хотелось знать о нас?

— Расскажите некоторые подробности о вашей семье.

— Охотно, — ответила Тамара. — Отец мой, Петросян Мушер, родился в 1895 году в Тавризе. Чтобы избежать очередной трагедии, семья его переехала на Кавказ. Он окончил тифлисское Нерсисяновское училище, а затем — московский Лазаревский институт восточных языков. Мать моя Ирина Майлова — из Нагорного Карабаха, представительница древнего армянского рода. Родители мои познакомились в Париже. Поженились в 1933 году. В нашей семье всегда говорили на армянском и русском языках. Литературу на обоих языках мы читали в оригинале. Брат моего отца Мелкон получил высшее образование в Московском медицинском институте. Обстоятельства сложились так, что наши родители оказались во Франции, сохранив навсегда любовь к своему народу, к традициям, языку. Эта любовь передалась и нам, детям. После кончины наших отцов мы вчетвером возглавили фирму, работаем дружно, стараюсь сохранить те же прочные устои и взаимопонимание. Ведь дядя Мелкон и мой отец всегда работали дружно. Они прекрасно понимали принципы советской внешней торговли. Данное ими слово имело не меньшее значение, чем подписанный и скрепленный печатью документ. С таким же уважением и верой относились они к деловым связям с Москвой. Нередки были случаи, когда на незаполненных договорах мой отец заранее ставил свою подпись и отсылал в Министерство внешней торговли СССР для заполнения и подписания. Я люблю ездить в Москву по нашим делам, люблю ее деловой, кипучий ритм, люблю слышать русскую речь. Я ведь в Сорбоннском университете изучала русский и английский языки.

Время нашей беседы истекло. Договорились о следующей встрече. Но ей не суждено было состояться в этот раз. Я вскоре вернулся на родину.

Год прошел в делах и заботах. Как-то в апреле 1982 года я зашел по делам в фундаментальную библиотеку Академии наук Армении. Один из ее руководителей, мой хороший знакомый, узнав, что я скоро буду в Париже, попросил передать привет Микаэлу Кочаряну, прибавив при этом, что на днях ему отправлено письмо с благодарностью за бесценный подарок библиотеке.

— Какой Кочарян, о каком подарке ты говоришь? — удивился я.

— Не знаешь? Это же один из крупных ученых-кораблестроителей Франции, большой патриот Армении. Года два назад он вместе с супругой по приглашению нашего Института механики гостил в Ереване. Побывал в библиотеке, интересовался нашими фондами. Удивился, что при таком богатстве изданий библиотека не располагает двадцатитомной универсальной энциклопедией Франции. Мы объяснили, что все попытки приобрести ее не увенчались успехом.

Кочарян не давал никаких обещаний, а только сказал, что поинтересуется, как нам помочь, и в любом случае сообщит.

Мой друг повел меня в соседний зал и остановился у одного из стеллажей.

— Взгляни! — радостно сказал он. — Вот они, все двадцать томов ценнейшей энциклопедии. Их прислал Кочарян в дар библиотеке.

Затем, достав пятый том энциклопедии, открыл страницу, на которой значилась фамилия Кочаряна с перечислением основных его фундаментальных трудов. В другом разделе этого же тома опубликованы две научные статьи М. Кочаряна: одна из них о фундаментальных теоретических проблемах современной физики и механики, вторая — об основных вопросах прочности современных конструкций.

— Странно, — заметил я. — Никто в Париже из так называемых «знатоков» армянской колонии не называл мне этого имени.

— И ты думаешь, Ашот, этим Микаэл Кочарян ограничился? Ценные издания уникальных трудов по различным областям математики на нескольких иностранных языках он прислал Институту математики Академии наук Армении. Так что обязательно повидайся с ним и передай ему нашу горячую благодарность.

Май 1982 года. Я вновь в Париже. Просматривая свои записи, я набрал номер телефона Тамары Петросян.

— Здравствуйте, Тамара, говорит Ашот Арзуманян, писатель из Армении. Я в Париже. На этот раз впервые приехал вместе с супругой. Надеюсь, вы не забыли о нашей договоренности продолжить прерванный разговор?

— Помню, помню! Но, к сожалению, завтра вылетаю по делам в Москву. Через четыре дня буду в Париже. Мы можем договориться и сейчас. Чтобы нас не отвлекали дела, лучше встретимся дома, в семейном кругу. Будьте с супругой готовы. Я заеду за вами.

Она назвала день и час встречи.

Новые встречи, новые впечатления... Быстро летят дни. 25 мая, за полчаса до назначенного времени, позвонила Тамара:

— Не удивляйтесь тому, что за вами приедет мой муж, я вас жду дома.

Захватив с собой армянские сувениры, спустились вниз. Как раз в это время у подъезда остановилась машина и из нее вышел высокий, стройный мужчина с копной тронутых сединой черных волос. С удивительно открытой улыбкой он протянул нам руку:

— Микаэл.

Неширокая улица Рю Декамп, что находится неподалеку от плаца Мексико, была заставлена машинами (картина, характерная для Парижа). Мы быстро сели в машину Микаэла, подгоняемые нетерпеливыми сигналами парижан.

Кабина лифта вместила только нас с женой. Захлопнув дверцу, Микаэл широкими шагами направился на третий этаж по лестнице.

У открытых дверей квартиры стояла хозяйка дома, на этот раз показавшаяся мне еще более привлекательной. Сбросив с себя официальность деловой женщины, Тамара и улыбалась теперь как-то иначе. Эта улыбка одновременно озаряла чудесные армянские глаза и подчеркивала кокетливые ямочки на щеках. Около нее, радостно скуля и энергично крутя хвостиком, топтался черный пудель, всем своим видом выражая собачьей радостью по поводу прихода хозяйина.

— Да пойдی же ты на место, Ники, не путайся под ногами! — мягко сказал Микаэл, ласково потрепав кудрявую голову любимицы.

Мы сразу почувствовали себя легко, свободными от обязательных условностей этикета. В доме все говорило о тонком вкусе сравнительно молодых еще хозяев. Приняли они нас с чисто армянским радушием. И если бы не искрящийся французский юмор, то и дело проскальзывавший в разговоре, нам могло бы показаться, что мы в гостях у наших ереванских друзей. Эту иллюзию создавал и великолепный вид нового Еревана на фоне громады величественного Арарата, взятый в рамку и висевший на одной из стен.

К прерванному прошлогоднему разговору Тамара вернулась сама.

— Как вы уже знаете, в ранней своей молодости я училась в Сорбоннском университете, легко преодолевая разные науки. Даже музыка увлекала меня. Но главный мой диплом — это вот он, Микаэл Кочарян, свидетельство о браке с которым мы получили в 1960 году.

Тамара игриво взглянула на мужа и добавила:

— Он в семье у нас самый умный...

Последние слова жены вызвали на лице Микаэла краску смущения. Он смотрел на нее ласково и осуждающе, как на провинившегося ребенка. А я вдруг вспомнил разговор в Ереване, в фундаментальной библиотеке Академии наук. Кочарян, Микаэл Кочарян... Неужели это просто совпадение, подумалось мне.

— Микаэл, скажите, вы с Тамарой бывали в Ереване?

— Конечно, но только неделю провели там, больше не было времени.

— Вы дарили фундаментальной библиотеке и Институту математики Академии наук редкие издания книг?

— Откуда вы это знаете? — Он метнул подозрительный взгляд на жену.

Поняв, что Микаэл именно тот человек, которого мне предстояло разыскать в Париже, я обратился к нему:

— Теперь вижу, что вам адресованы слова благодарности армянских коллег. Для меня это неожиданный сюрприз. «О, ля-ля! Bravo!» — воскликнул бы мой парижский знакомый Абраам Джинджян, окажись он здесь.

Всей компанией мы дружно рассмеялись. Посыпались шутки, которые окончательно рассеяли следы напряженности.

Неслышной походкой вошли две стройные, как тополь, девушки.

— Это наши дочери. — представила их Тамара. — Старшая, Аник, учиться в стоматологическом институте, а младшая, Надия, собирается стать адвокатом. У них сейчас горячая пора экзаменационной сессии.

Разговор в семье велся на родном армянском языке, хотя Микаэл и Тамара в беседе с нами временами переходили на русский.

Узнав, что мы из Еревана, девушки посмотрели на отца.

— Папа, который уже год ты откладываешь нашу поездку в Армению! — сказала одна из них. — Если ты не можешь по занятости, то отправь нас одних с армянской туристической группой.

Тамара горячо поддержала просьбу дочерей.

— А мы охотно поможем вам ознакомиться с достопримечательностями республики, — предложил я.

Меня интересовали некоторые подробности из жизни и научно-инженерной деятельности Микаэла. Поэтому мы продолжили беседу в его домашнем кабинете.

— Мой отец Степан Кочарян родился, как и отец Тамары, в 1895 году в Тавризе, — начал он свой рассказ. — Годы спустя, спасаясь от очередной армянской трагедии, проделал тяжелый путь беженцев и оказался с семьей в Эчмиадзине. Повзрослев, поехал в Москву, где окончил Лазаревский институт восточных языков. Потом судьба забросила его в Париж. Здесь он познакомился с моей будущей матерью Манией Саркисян, уроженкой Александрополя (ныне Ленинакана). Наша семья постоянно испытывала нужду. Позже я успешно сдал экзамены в Сорбоннский университет. Любимыми дисциплинами были математика, физика и механика.

На втором курсе я вынужден был оставить занятия в университете и устроиться на работу, чтобы добывать средства для существования семьи. Можно было понять горе моих родителей, лишенных возможности дать образование единственному сыну. Мы не могли платить хозяину за двухкомнатную квартиру, оставили ее...

Как-то вечером, — продолжал Микаэл, — к нам зашел товарищ отца. Узнав о том, что я бросил ходить в университет, он нахмурился. Обещал поговорить с нашим земляком Артюшей Хунунцем, сыном бывшего ректора тифлисского Нерсисяновского армянского училища. «Я уверен, что этот образованный и отзывчивый карабахец, — сказал он отцу, — не останется безразличным к судьбе твоего сына». Не прошло и нескольких дней, как он вновь появился в нашем доме. Хунунц согласился в течение двух лет оказывать нам необходимую материальную помощь при условии моей успешной учебы. Окрыленный, я вновь взялся за учебники. Для меня в эти годы на свете, кроме учебы, ничего не существовало. Сорбоннский университет я окончил с отличием. К своему доброжелателю Хунунцу явился с чувством выполненного долга.

А сколько моих сверстников нужда заставила бросить Сорбонну! Помню Оноре, Сурена — моих друзей ранней молодости. Таких

одаренных Что стало с ними... У них не нашлось своего Хунунца, который в трудную минуту протянул бы руку помощи.

— С 1960 года, — продолжал он, — я работал инженером, главным инженером в крупнейших французских кораблестроительных фирмах. Объединение, которым я сейчас руковожу в качестве главного инженера, много лет поддерживает тесные контакты с Советским Союзом. Со своими московскими коллегами время от времени встречаюсь в Москве и Париже.

Книжная полка была уставлена теоретическими трудами и исследованиями в области прикладной математики, физики и механики, принадлежащими перу Микаэла Кочаряна.

— Чем занимается ваше объединение? — спросил я.

— Трудно перечислить весь круг вопросов. Сжижение и транспортировка газа морем, сохранение на суше таких жидких газов, как метан, пропан, гютан, аммиак и другие. Поведение различных материалов и продуктов при оптимальных режимах холода, сохранение их первоначальных качеств. И, наконец, поиск таких материалов, которые при различных режимах холода могут быть использованы в судостроении, авиации и так далее. При решении и исследовании этих важных проблем подчас возникают самые неожиданные трудности. Словом, у нас непочатый край работы.

Взглянув на часы, он встал и пригласил меня в столовую.

Короткое знакомство состоявшееся год назад, в этот вечер благодаря редкой сердечности и обаянию супругов превратилось в теплую встречу друзей, как будто давно знавших друг друга.

Был уже первый час ночи, когда Тамара и Микаэл поехали нас провожать. Даже Ники проворно забралась в машину, не желая, видимо, в своем внимании к гостям отставать от хозяев. На улицах Парижа было безлюдно. Множество машин, прижавшись друг к другу, отдыхали от дневного безумного бега, и лишь гулкие шаги редких прохожих нарушали тишину в это позднее время.

Трудовой Париж спал. Только в отдельных ночных кабаре и ресторанах, утопающих в море огней, праздная жизнь была ключом.

Начатые в Париже заметки заканчиваю в Ереване. Я перебираю в памяти одну за другой встречи на французской земле. Дороги и люди помогли мне связать впечатления, пока что похожие на первые мазки, положенные на холст художником. Люди разных возрастов, профессий и убеждений делились со мной думами о прожитом, мечтами, тревогами. Поездка дала мне возможность на основании многочисленных встреч и бесед прийти к выводу: несмотря на все трудности жизни в капиталистической Франции, просоветская ориентация армянских демократических сил весьма стабильна.

Говоря о грозящей миру опасности ядерной войны, мои собеседники давали высокую оценку мирным инициативам нашей страны. Они — за мирные поля, чистое небо. С понятной гордостью я думал о моей великой Родине, ставшей могучим оплотом мира и созидания.

И еще. Рассыпанные горькой судьбой от Арарата до Монблана, на всех континентах, армяне, хотя и вынуждены жить далеко от земли своих предков, их сердца, их помыслы неразрывно связаны с Советской Арменией.

Вопреки всем сложностям нашего времени, несмотря на европейскую пеструю круговерть Франции, на этих маленьких островках я увидел сильных духом патриотов своего Отечества.

Они так же, как и французы, видят, как доллар, попирая франк, подрывает экономику Франции, с каким остервенением заокеанские заправилы давят на своих партнеров по НАТО, требуя новых жертв. Трудовая Франция бдительно следит за сложными процессами, происходящими в мире, активно борется за мир и дружбу между народами.

День ото дня крепнут дружественные отношения между Советским Союзом и Францией. Прогрессивные армяне Франции — неизменные сторонники этой политики.

Париж — Ереван.

Ашот Мартиросович Арзумян

ОТ АРАТА ДО МОНБЛАНА

Редактор **М. М. Жигалова**.

Технический редактор **О. Н. Ласточкина**.

Сдано в набор 29.11.82. Подписано к печати 11.03.83. А 02652. Формат $70 \times 108 \frac{1}{32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Учетно-изд. л. 4,25. Тираж 100 000. Изд. № 612. Зак. № 3544.
Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

● ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВНУТРЕННИЙ ВЫИГРЫШНЫЙ ЗАЕМ 1982 ГОДА ВЫПУЩЕН СРОКОМ НА 20 ЛЕТ С 1 ЯНВАРЯ 1982 ГОДА ДО 1 ЯНВАРЯ 2002 ГОДА.

● Облигации займа свободно продаются и покупаются сберегательными кассами

● Облигации займа выпущены достоинством в 50 и 25 рублей. Облигация достоинством в 25 рублей является половиной пятидесятирублевой облигации. По облигациям займа доход выплачивается в форме выигрышей.

● Выигрыши по займу установлены в размере 10 000, 5 000, 2.500, 1.000, 500, 250 и 100 рублей на пятидесятирублевую облигацию, включая нарицательную стоимость облигации (по облигациям достоинством в 25 рублей выплачивается половина выигрыша).

● Владелец выигрыша в 10.000 рублей имеет право на внеочередную покупку автомобиля «Волга» или легкового автомобиля аналогичного класса, а выигрыша в 5 000 рублей — автомобиля другой марки классом ниже. Разница между стоимостью автомобиля и суммой выигрыша вносится владельцем выигравшей облигации.

● В течение двадцатилетнего срока займа проводится 160 тиражей выигрышей — 8 тиражей ежегодно в следующие сроки: 15 февраля, 30 марта, 15 мая, 30 июня, 15 августа, 30 сентября, 15 ноября и 30 декабря.

● В эти же сроки будут проводиться тиражи выигрышей по Государственному 3-процентному внутреннему выигрышному займу 1966 года.

● После проведения 30 июня 1986 года последнего тиража по займу 1966 года владельцам облигаций предоставляется право до 1 июля 1987 года обменять их в сберегательных кассах на облигации Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года на льготных условиях, то есть без уплаты курсовой разницы.

● Выигравшие облигации займа 1966 года, а также облигации этого займа, подлежащие выкупу по их нарицательной стоимости, могут быть предъявлены к оплате до 1 июля 1988 года.

● Находящиеся в настоящее время у населения облигации Государственного 3-процентного внутреннего выигрышного займа 1966 года по-прежнему свободно покупаются сберегательными кассами и участвуют в тиражах выигрышей, которые будут проводиться до истечения срока займа (до 1 июля 1986 года).

● Облигации Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года являются удобной и выгодной формой хранения денежных сбережений населения.

Правление Гострудсбернасс СССР.